

Фрэнсис Паркер Йоки

ВРАГ ЕВРОПЫ

1981

Публикация издательства журнала «Liberty Bell» («Колокол Свободы»)

Оригинал: Francis Parker Yockey, THE ENEMY OF EUROPE, 1981, Liberty Bell Publications

Перевод ТОМАСА ФРЭНСИСА с немецкого перевода утраченного оригинала Йоки.

(Рукопись на английском языке была написана Йоки в 1948 году, немного переработана им для немецкого перевода («Der Feind Europas») в 1953 году. Данное издание представляет собой обратный перевод с немецкого на английский. Об истории написания см. [Ревило Оливер, «Враг наших врагов».](#))

Первое издание в мягкой обложке – ноябрь 1981 г.

Переиздание с исправлениями – ноябрь 1985 г.

Переиздание – август 2003 г.

ПАМЯТИ

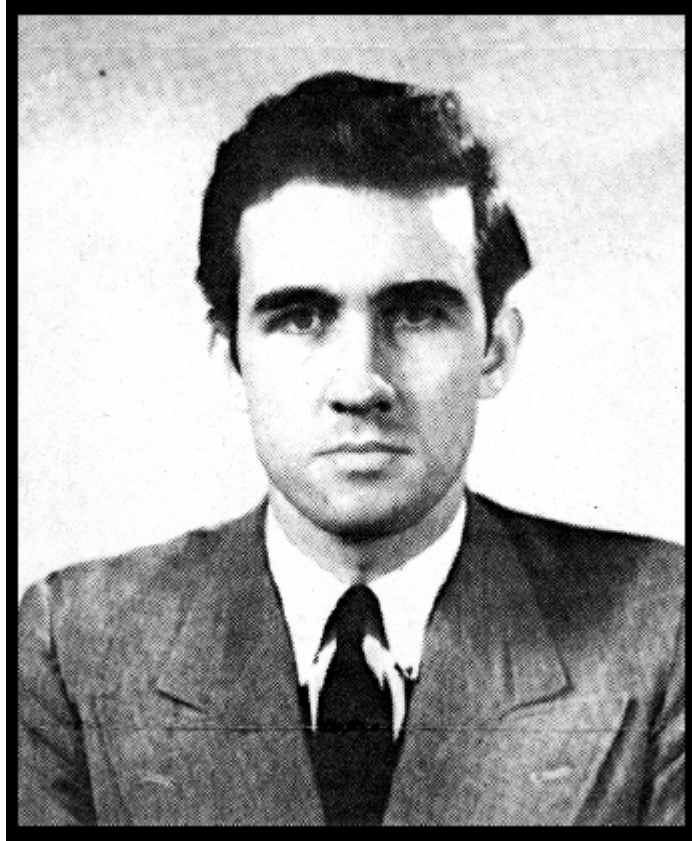
ОСНОВАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА ФРЭНСИСА ПАРКЕРА ЙОКИ

ЛУИСА Т. БАЙЕРСА,

АРИЙЦА ИЗ АРИЙЦЕВ,

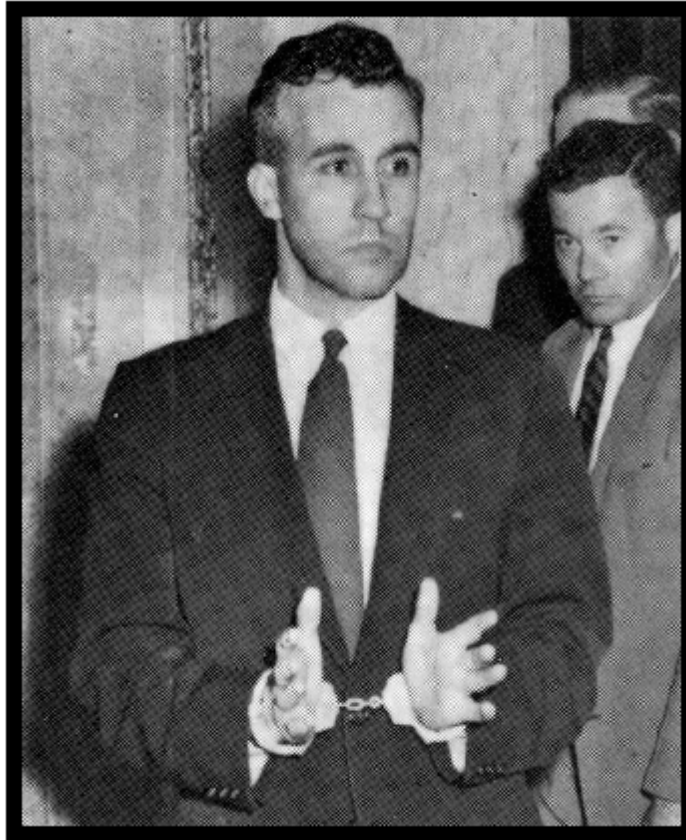
КОТОРЫЙ ТОЖЕ БОРОЛСЯ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО ДО САМОГО ТРАГИЧЕСКОГО КОНЦА

22 ОКТЯБРЯ 1981

Не публиковавшаяся до настоящего времени фотография Йоки, сделанная приблизительно в то время, когда он закончил «ИМПЕРИЮ» в 1948 году и начал работу над ее продолжением, «Врагом Европы».

ФРЭНСИС ПАРКЕР ЙОКИ

Фрэнсис Паркер Йоки (1917-1960) на пути в тюрьму, в которой он был найден мертвым, как было официально сообщено, в результате самоубийства.

СОДЕРЖАНИЕ

- **Вступительный комментарий**
- **Морфология Второй мировой войны**

Первый Межвоенный период 1919-1930

Ликвидация английского суверенитета

Истоки войны

Более сильные течения власти в Век Абсолютной Политики

- **Метаполитика войны**

Три аспекта войны

Результаты войны

Проблемы власти войны

- **Морфология Третьей мировой войны**

Американская оккупация Европы

Упадок западных наций

Внутренний враг Европы

Внешние враги Европы

- **Политика Европы**

Определение Врага

Проблемы власти Второго Межвоенного периода

Американское накопление власти

Концерт большевизма

Политический враг Европы

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Эти мысли предназначались для того, чтобы стать частью моей книги «Империя», но по личным мотивам это оказалось невозможно. Они обязаны своим нынешним воплощением тому факту, что многие из тех, кому была действительно адресована та работа, не смогли сразу сделать необходимые выводы. В этом трактате, как и в ИМПЕРИИ, нет ничего личного, и таким образом, здесь, как и там, я воздерживаюсь от дебатов о политической тактике. Такие вопросы лучше обсуждать устно.

Органические Законы составляют профессиональный жаргон политики. При написании «Империи» моя цель состояла в том, чтобы представить эти законы так, чтобы все, кто так или иначе действительно отождествлял свою личную судьбу с Судьбой Европы, могли сделать свои собственные выводы из основных принципов и выбрать свою собственную тактику. Некоторые люди неправильно поняли эту возможность до такой степени, что они расценили представление этих Органических Законов как только еще один вклад в обычную политико-

теоретическую дискуссию. Поэтому Органические Законы более полно разработаны здесь, где они применены к положению в мире на данный момент, чтобы помочь предоставить самым достойным умам более ясное понимание этого и разоблачить Врага Европы.

Политика, История, Жизнь, Судьба не обращают никакого внимания на систему. Все же, если бы европейцы приняли активное участие во всемирной борьбе за власть, теперь, более чем когда-либо прежде, они должны поставить свою политику на интеллектуальную основу, поскольку никакая физическая сила вообще не доступна им. Они должны обманывать врага на каждом шагу, обыгрывать его, пока, несколько лет спустя, они не будут, в конечном счете, иметь возможность диктовать условия и заставлять выполнить их. Органические Законы представлены здесь в форме интеллектуального упражнения, из которого может развиваться метод оценки событий, возможностей, решений. Грамматика, которая оказывается неподходящей, может быть пересмотрена, но всякая часть мысли продвигается вперед только тогда, когда у нее в распоряжении есть грамматика.

Этот трактат был написан с начала до конца в 1948 году. Только два пассажа, о Японии и о России, подверглись пересмотру. Последний из этих двух, как можно легко понять, был изменен, когда в прошлом, 1952 году, Россия дала своей политике новую ориентацию. Этих пассажей нет в ИМПЕРИИ, которая была написана в 1947 году. Ежедневно подтверждается то, что Япония вышла с победой из Второй мировой войны, как было отмечено в ИМПЕРИИ. Разрыв России с евреями отмечает начало конца большевизма. Это вызвано истинной, религиозной Россией, которая ненавидит политику и технику, и которая была в равной мере во власти «петринизма» (идеологии Петра I и его последователей, официального российского «западничества» – прим. перев.) и московского большевизма. Конечно, этот разрыв был только началом, но окончательный, внутренний крах большевизма неизбежен. Возможность, я должен сказать, в действительности даже неизбежность уничтожения большевизма истинной Россией постулируется в ИМПЕРИИ.

«Враг Европы» – законченное произведение само по себе, и его тезис в отношении природы Америки верен без ограничений. Прожив несколько десятилетий в Америке, я своими глазами видел искаженное развитие этой страны, начиная с Революции 1933 года. По большей части, сопротивление прогрессирующему искажению Америки просто пассивно – сопротивление, с которым любой материал вообще сопротивляется тому, что воздействует на него. Где сопротивление является активным – и масштабы такого сопротивления жалкие –

оно находит немного поддержки, так как идеализм и героизм не процветают в атмосфере, где экономика – правящий дух.

Европа не может связывать свои надежды с этим сопротивлением в Америке. В практическом отношении «Белая Америка», которая все еще существовала в своей силе в 1920-х годах, сегодня прекратила свое существование. Поднимется ли этот погрузившийся в глубины дух снова вверх в каком-то отдаленном будущем, предсказать невозможно. В любом случае Европа не может позволить себе роскошь мечтаний, что революция в Америке, осуществленная проевропейскими элементами, приведет к Освобождению Европы.

Европейцы знакомы с пропагандой Америки на экспорт, но они менее знакомы с ее внутренней пропагандой. Эта пропаганда намного затмевает, как по своему масштабу, так и по воздействию всё, что европейцы могут легко вообразить. Ведущий внутренний тезис режима в Вашингтоне – который не изменился с 1933 года – то, что американцы должны быть «терпимыми» к иностранным элементам (которые теперь составляют примерно 50% населения), так как, в конце концов, эти иностранцы – «братья». «Братство» прославляется по всем публичным поводам, всеми должностными лицами, оно преподается в школах и проповедуется в церквях, которые были скоординировано включены в общий план культурно чуждого вашингтонского режима. Газеты, книги, журналы, радио, телевидение, фильмы – все продолжают изрыгать то же самое «Братство». Пропаганда «Братства» – ужасная карикатура на христианскую идею Отцовства Бога и Братства Человека, но в этой пропаганде нет никакого религиозного намерения. Ее единственная цель состоит в том, чтобы разрушить любую исключительность, национальные чувства или расовые инстинкты, которые все еще могут остаться в американском населении после двадцати лет национальной проказы. Результат кампании «терпимости» и «братства» состоит в том, что чужак наслаждается привилегированным, более высоким положением в Америке – он может потребовать, чтобы его «терпели». Американец ничего не может потребовать. Трагический факт в том, что ослабление национальных инстинктов дошло до того, что нельзя предсказать, как Националистическая революция была бы возможна в Америке.

Пока Америка была во власти людей высокого культурно-европейского уровня, Америка была европейской колонией, даже при том, что иногда громко бунтовала. Но Америка, которая была искажена Революцией 1933, потеряна для Европы. Пусть никто из европейцев не мечтает о помощи или сотрудничестве из той части света.

То, что произошло в мире после публикации ИМПЕРИИ, то, как прогрессировало внутреннее развитие Европы, делает более ясным, чем когда-либо, что мировоззрение и героическая этика, проявленная здесь, являются единственной вещью, которая все же дает Европе надежду на осуществление ее могущественной Судьбы.

Морфология Второй мировой войны

ПЕРВЫЙ МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1919-1930

Все войны в некотором роде связаны с политикой, и цель Политики состоит в том, чтобы получить власть. Если государство выходит из войны с меньшей властью в своем распоряжении, чем было у него в начале войны, то оно проиграло войну. Чьи войска возвращаются с поля битвы, и чьи войска лежат мертвые на нем, не имеет значения: военная победа может повлечь за собой реальную, политическую победу, но может и не повлечь ее. События вне военной арены могут превратить чисто военную победу в фактическое политическое поражение.

Поэтому случилось так, что главными проигравшими в Первой мировой войне были Англия и Германия. Главным победителем была Япония; она не одерживала военной победы, конечно, по простой причине, что она активно не участвовала в конфликте. Россия, сразу после своей революционной трансформации, оказалась в положении, которое дало ей огромное увеличение власти, так как Германия и Австро-Венгерская империя были устранены как европейские великие державы. Америка была политическим победителем, но, испытывая недостаток в политическом опыте и лидерах, она была абсолютно неспособна консолидировать свое новое положение власти; следовательно, ей пришлось отказаться от большей части своего выигрыша.

Потери Германии очевидны: потеря двадцати процентов своей территории, полная потеря иностранных кредитов и колониальной империи, потеря большей части своего подвижного состава и сырьевого богатства, потеря своего престижа – все это отняли у нее под Версальским диктатом.

Но Англия должна была перенести еще большие потери. Америке она полностью отдала свое влияние в Западном полушарии и, почти полностью, свое прежнее превосходство на море. России ей пришлось отдать свои позиции в Средней Азии; Японии и Америке свои властные позиции на Тихом океане; и всемирной революции цветных народов – свой международный престиж. Война подорвала Британскую Империю, и, более конкретно, она полностью подорвала британскую власть. Подчиненные народы Индии во главе с такими революцио-

нерами, как Ганди, начали брать власть в свои руки. Скоро белые правители обнаружили, что их голос потерял свою власть. Они увидели себя вынужденными вести переговоры в каждый момент с активным, пробужденным, туземным населением, и, как лично, так и официально, они должны были научиться вести себя с большой осмотрительностью. Подобные процессы произошли среди поработанных народов других колониальных держав Европы. Всюду в Цветном мире белые европейцы утратили власть и престиж. В этом плане не только два ведущих европейских государства, Англия и Германия, действительно проиграли войну, но ее проиграла и вся западная культура, хотя этот организм, в целом, не участвовал в войне в военном отношении. Нейтральная Голландия по этому тоже потерпела политическое поражение в войне, еще раз доказывая, что политическое поражение не зависит от военного поражения.

В случае Франции политическая победа и военная победа совпали. Перед войной Франция была самой слабой из великих держав; в 1920-х она была хозяйном Европы. В действительности она чувствовала себя способной еще раз сыграть роль Наполеона, напрямую противостоя Англии, и во время мимолетной политической гегемонии Франции в континентальной Европе дипломатическая борьба между Францией и Англией была самой динамичной на земле.

Временное превосходство Франции во время Межвоенного периода показывает природу власти. В конечном счете, власть зависит от внутренних качеств. Простое владение флотами, оружием и массами войск не может гарантировать власть. Такие вещи – только аксессуары власти, и владение ими не является ее источником. В пределах политического мира власть постоянно находится в движении. Существуют сильные, но неглубокие течения власти, которые могут временно работать против более глубоких, более истинных, имеющих более отдаленные цели течений власти. Франция, в отношении ее военных, промышленных и природных ресурсов, судя по всему, занимала абсолютно уверенную позицию в Европе на ближайшее будущее. В 1923 году, игнорируя протесты Англии, она предприняла военное вторжение в Германию. Тогда два немецких мыслителя обсуждали европейскую ситуацию. Когда один выразил мнение, что в течение десятилетия Германия снова будет центром тяжести в европейской политике, другой, который был «реалистом», грубо прервал беседу. Герман Кайзерлинг был «реалистом» в достаточной степени, чтобы признать «действительность» – ученик любого банкира может сделать это, но Шпенглер думал об источнике власти в Европе, о Судьбе Западной цивилизации.

На протяжении 1930-х годов французское доминирование над Европой убывало, рассеиваясь как утренний туман. В то время не было никакого большого кризиса, никакой эпохальной войны. Сам факт европейской Революции 1933

года растворял французскую гегемонию без борьбы, без следа военных действий. Положение Франции было связано исключительно материальным факторам, простому контролю аппарата власти. Внутренние качества режима, в распоряжении у которого была эта власть, не были равны утверждению и сохранению ее. Этот режим не был носителем какой-либо Всемирной гипотезы, какой-либо Идеи, какой-либо Этики. Его динамизм был грубым желанием власти: он испытывал крайний недостаток чувства надличной Миссии, ему не хватало мировоззрения, европейской Гипотезы. Когда этот режим столкнулся с европейской Революцией 1789, его власть просто испарилась. Штыки никому не могут дать ни хорошую совесть, ни Внутренний Императив, чтобы управлять. Вассалы дезертировали, и Франция внезапно оказалась в положении вассала у Англии. Выбор себе лорда и хозяина был последним формальным актом, свидетельствующим о политическом существовании Франции как нации. Нация – это просто Идея, не масса людей, даже не форма, в которую была сформирована эта масса. Эта форма – выражение Идеи, и Идея является основной. Пока нет Идеи, не существует нации; когда Идея полностью осуществила себя, нация исчезла навсегда. Имеет значение не то, остаются ли обычаи, форма, номенклатура, дипломатия и материальный аппарат власти, чтобы убеждать вчерашних романтиков в том, что нация продолжает жить. Священная Римская империя дожила как форма до 1806 года, но как политический факт она прекратила свое существование с распадом власти Гогенштауфенов после битвы при Леньяно в 1176 году. Однако в Политике нормативны факты, не требования, не имена, не легалистические выдумки. В религиозные времена, в эпоху веры, люди могут снова использовать в сфере Политики слова, которые давно перестали описывать факты. Но в этом Веке Абсолютной Политики, политические вымыслы потеряли свое очарование для более сильных умов, не меньше, чем их эффективность.

Смерть нации – это Весомое, событие, которое должно выразить себя, и его «Когда» может быть предсказано с достаточной точностью, чтобы стать основанием политики дальней перспективы. Нация показывает, что умирает, когда она прекращает верить в свою Миссию и в свое превосходство. Она начинает ненавидеть все новое и все, что вело бы ее вперед. Она оглядывается по сторонам, и стремится сделать оборонительные приготовления в каждом направлении. Она больше не стремится расширять и увеличивать свою властную позицию, но удовлетворяется просто сохранением того, что у нее уже есть. Но чтобы сохранить власть, ее нужно непрерывно увеличивать. Нация не обязательно должна погибнуть с громким шумом в большом военном поражении. Как правило, нации умирают вполне мирно, все глубже и глубже опускаясь в стерильный консерватизм и все больше уклоняясь от больших решений.

ЛИКВИДАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Английская политика была старческой уже в начале карьеры Джозефа Чемберлена в правительстве. Даже его великая идея англо-немецко-американской мировой гегемонии, хотя все еще сильная, зрелая, агрессивная политика, была в основном статична: за ней лежит старая мечта о том, чтобы привести Историю, наконец, к завершению. После времен Чемберлена английская политика стала абсолютно беззубой, и такие имена как Грей, Ллойд Джордж, Макдональд и Болдуин показывают глубину падения в национальное забвение, в сравнении с именами более молодых дней: Уолпол, Питт, Каслри, Каннинг, Гладстон. Великие Строители Империи стремились к каждому большому завоеванию; их тусклые преемники занимались стенаниями по статус-кво, расходуя свою слабую энергию на защиту этого статус-кво от молодых и зрелых «агрессоров». Эти люди, несущие гроб на похоронной процессии Империи, попытались построить стену против Истории, описывая Политику с точки зрения Закона: статус-кво является «законным», поэтому любое изменение его «незаконно». Политический динамизм «незаконен»: соотношения власти должны быть продолжены в том виде, в каком они были во время Версальского диктата. После Версаля у Англии больше не было национально-политической энергии, чтобы увеличить свою власть; следовательно, нужно было нравственно помешать всем ее увеличивать, и это моральное принуждение было кодифицировано в священных «договорах», которые были подписаны на стволах пушек. Поддерживать политическое превосходство Англии было «моральным» и «законным» – это назвали уважением «международной морали и святости договоров». Были провозглашены «соблюдение международного права», «упорядоченная процедура в международных отношениях» и подобные политические нелепости. Это не было первым разом, когда кто-то занимался политикой, чтобы поместить политику в легалистические обертки. Политик, который прибегает к закону и этике, чтобы замаскировать свою позицию власти, страдает от плохой политической совести, и политик или государство с нечистой совестью являются декадентскими. Господствующая политика не боится того, чтобы быть политикой. Декадентская политика выдает себя за религию, закон, этику, науку – короче говоря, за что угодно, кроме Политики.

Конечно, попытка Англии навязать свою форму миру с помощью простой уловки – использования легалистического жаргона – была абсолютно тщетной. Только английское население было обмануто этим, так же, как оно позже было обмануто пропагандой о неуязвимости Сингапура. Но на течения власти мира, которые отражают развитие надличных организмов, этот жаргон не оказал никакого влияния вообще.

От первоначального взгляда на оценку статус-кво как неприкосновенного только в том отношении, в каком была затронута английская позиция власти, далее перешли к тому, чтобы всюду оценивать статус-кво как священный. Так английскую политику, в полном расхождении с английскими интересами, заставили поддерживать сербское, румынское и богемское государства против течений власти, которые были предназначены для того, чтобы разрушить эти искусственные политические образования.

Цена искаженной политики должна быть установлена высоко. Государство с искаженной политикой не может получить прирост власти; таким образом, даже его военные и дипломатические победы являются поражениями. В течение третьего десятилетия двадцатого века Англия постепенно передавала свой суверенитет Америке, чтобы продолжить преследовать свою искаженную политику, политику, посвященную сохранению статус-кво во всем мире. Естественно, такой неприятный факт не признавали представители определенного менталитета, и – снова естественно – те, кто нес ответственность за передачу власти, уклонялись от того, чтобы точно определить новые отношения; потому что, если бы они поступили так, то вся политика была бы испорчена. Однако, когда Болдуин объявил в 1936 году, что он не будет разворачивать английский флот, не проконсультировавшись заранее с Америкой, он сообщил всему политическому миру в не вызывающих сомнений выражениях, что наступил конец английской независимости, что английский суверенитет передан Америке. Независимость означает возможность действовать в одиночку. Суверенитет означает не отвечать ни перед кем, кроме себя. Ни Независимость, ни Суверенитет не были характерны для английского правительства, которое начало Вторую мировую войну с объявления войны Германии в сентябре 1939 года.

Когда какая-то нация теряет свой суверенитет, любые иностранные народы и территории, которые она контролирует, переходят, в качестве органической потребности, в сферу влияния держав, которые являются верховными. Так Дания, например, в результате Второй мировой войны, была поглощена в американскую мировую систему. Это произошло совершенно автоматически; это был просто процесс Органического закона Политического непустого пространства,* который предопределяет, что вакуум власти в политическом мире невозможен.

*Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 190 и следующие.

Государство нельзя оценивать как власть, если оно не может в одиночку принимать решения. Такие единицы, как Швейцария, это искусственные структуры, смысл существования которых состоит в том, чтобы служить буферами для соседних держав, поэтому они обязаны своим существованием взаимной ревности тех держав. Они представляют собой аномалии, которые могут существовать только, пока у их территории нет никакой особой стратегической ценности для окружающих Великих держав. На протяжении девятнадцатого столетия Швейцария была точной противоположностью вакуума власти. Она была точкой схождения для держав, окружающих ее, и аналогично в нее проникали течения власти, окружающие ее. Политическая прозорливость швейцарского «политика» состояла в воздержании от всей политики и в уклонении от всех решений. Как только Швейцария в 1945 году прекратила быть точкой схождения для граничащих с нею держав, в тот же самый момент она стала американским вассалом, без надежд, пожеланий, страхов, или даже без официального признания ее статуса. В течение девятнадцатого столетия Нидерланды были только английским плацдармом, «предмостным укреплением» на континенте, сначала против Франции (приблизительно до 1865), затем против Пруссии-Германии. У Нидерландов не было никакого суверенитета, и их вооруженные силы состояли в распоряжении Англии, хотя говорить об этом в Англии или в ее протекторате было бы очень бестактно.

Простая, ужасающая правда состоит в том, что, через дипломатию ее лидеров, начиная с Ллойд Джорджа, Англия потеряла свою независимость, рассталась со своим установленным способом политического поведения, и перешла в то же самое состояние вассалитета по отношению к Америке, в которое, скажем, Голландия или Норвегия перешли по отношению к Англии в девятнадцатом столетии. Совершенно бессмысленно связывать национальный упадок Англии с полной безответственностью парламентского правительства в Век Абсолютной Политики, чтобы попытаться выстроить из этого причинно-следственную связь. Потому что у наций есть определенный промежуток времени перед ними, и у их политической фазы также есть органически предопределенный ритмичный курс. Материальные факторы не имеют никакого отношения к большим движениям течений власти в пределах политического мира. Просто эфемерное превосходство Франции в 1920-х, основанное исключительно на материальных факторах, является лучшим примером этого в недавние времена.

ИСТОКИ ВОЙНЫ

Чтобы понять истоки и морфологию Второй мировой войны, необходимо осознать тот факт, что Англия перешла в американскую сферу влияния не после войны, но до нее. В 1942 году один член парламента заявил, что ему показалось, что у Англии был бы выбор стать восточным передовым постом Америки или западным передовым постом Германии. Его заявление не касалось всех возможностей, и было неточным, но оно было, по крайней мере, основано на том политическом факте, что независимость и суверенитет Англии прекратили свое существование.

Английская независимость начала уменьшаться с того момента в Истории, когда английская политика стремилась сохранить, а не увеличить заграничную Империю. Внутри страны эта точка была достигнута, когда Консерватизм Англии, который раньше означал уважение к Прошлому, перешел к враждебности к Будущему. Установление американской гегемонии над Островом можно было бы доказать, цитируя документы, дипломатические соглашения, заграничные телефонные разговоры, и т.п. Но все такие вещи, хотя они необходимы историку, журналисту и кабинетному политику, все же довольно незначительны с большей точки зрения. Поскольку большие, бесспорные факты самой политики показывают в достаточной степени основные течения власти. Ни власть, ни ее движения не могут быть скрыты. Каковы эти факты?

Цель Политики состоит в том, чтобы получить власть. Как мы видели, стареющий организм нацеливается явно на поддержание существующей сферы его власти, хотя предпосылкой сохранения власти является приобретение большей власти. Из фактической природы Политики (и соответственно можно было бы также сказать, из природы надличных организмов и людей на их службе), очевидно, что политическая единица не должна опрометчиво вступать в войну, которая не может увеличить ее власть. Всему миру было очевидно, что Англия не могла бы увеличить свою власть с помощью войны против Германии.

Война, которую какая-либо политическая единица не способна довести до победы самостоятельно, не может увеличить власть этой единицы. Термин «политическая единица» использован здесь в строгом смысле, конечно, и означает единицу, которая обладает истинным суверенитетом и таким образом имеет способность решить по своей собственной инициативе вопрос о войне или мире; поэтому этот термин не может быть применен к таким территориям как Бразилия и Канада. Если союзники будут обязательно необходимы – не просто реальны и полезны – для того, чтобы довести войну до победного конца, то эти союзники станут настоящими бенефициариями действительной власти после успеш-

ной войны. Термин «союзники» описывает только другие, реально политические, единицы, которые могут по своей собственной инициативе принять решение о войне и мире; и здесь тоже исключены такие области как Колумбия и Южная Африка. Очевидно, что даже с остатками ее Империи и с зависимыми от нее странами, Францией и Польшей, Англия не могла победить Германию. Нужно предположить, что то, что было известно всему миру, было также известно официальным кругам в Лондоне. Однако в сентябре 1939 года Англия начала войну против Германии.

После объявления американцами войны в декабре 1941 года в Англии было официально признано, что основная цель довоенной английской дипломатии состояла в получении американской военной помощи. Тем, что не признали, но что было столь же общеизвестно бесспорным в то время, было то, что объявление Англией войны было сделано, во-первых, с полной и неограниченной уверенностью в помощи Америки в любой форме; во-вторых, чтобы осуществлять политику, которая определялась в Вашингтоне, и это никоим образом не означало продолжения английской национальной политики.

Не имеет значения, кто был отцом ошибки, названной «коллективной безопасностью» – смеси законности, наивности, глупости, зависти и старости. Бесспорным является тот факт, что только две державы в мире извлекли выгоду из этой политики: Россия и Америка. Правительство в Лондоне не хотело поддерживать Россию, но оно поддерживало ее, с полным пониманием того, что оно делало, под давлением вашингтонского режима, точно следуя его инструкциям.

Важный момент здесь состоит в том, что этот факт, хотя он удовлетворительно доказан военными мемуарами, признаниями, документами, и т.п., проявляется в самих больших решениях. Покажем на примере: Если какая-то держава вступает в войну, которую она не может выиграть в военном отношении, и если власть у нее не увеличилась бы, даже если бы она действительно одержала военную победу, то не нужно копаться в книгах по истории, чтобы узнать, что эта «держава» действует не в своих собственных интересах. Другими словами, это протекторат. С точки зрения вашингтонского режима остатки английского государства были полезны как средство впутать Америку в войну против Германии, согласно формуле 1916 года, и английский Остров был ценным как «непотопляемый авианосец» – по словам американского Генерального штаба – и так же как трубопровод для солдат, вооружения, техники и предметов снабжения.

В этих событиях отношение Англии к Америке не отличалось, по существу, от отношения, скажем, Польши или Сербии. У вашингтонского режима Англия была в той же степени в его распоряжении, в каком у него были Польша и Сербия.

Только о сильной державе в коалиции можно сказать, что у нее есть союзники; другие же – просто союзники. В 1948 году послевоенное французское правительство официально обратилось к Америке как к «союзнику Франции». Это обращение не требует никакого объяснения. История состоит из смешного так же, как и из возвышенного.

Государство, которое нуждается в союзниках, никогда не может получить их; оно может стать союзником другого, более сильного государства, и бороться за увеличение его власти, но государство, которое должно вступать в союз, является зависимым. Союз никогда не бывает сентиментальным дружеским клубом, как обычно предполагают журналисты. Наоборот, основа всякого союза – это Защита (Покровительство) и Повиновение.* Строго говоря, у Вашингтона и Москвы не было никакого союза во время Второй мировой войны, так как их отношения показывали, конечно, повиновение со стороны вашингтонского режима без защиты (которая является следствием власти) со стороны России. В отношениях Защиты и Повиновения протекторат находится в сфере влияния Защитника, и поэтому должен повиноваться ему. Однако самоограбление Америки во имя военных усилий России было совершенно добровольным, даже при том, что оно полностью противоречило национальным интересам Америки.

Две степени политической глупости можно найти в дипломатии. Первая является краткосрочной: нехватка политического умения, неспособность успешно продолжить любые переговоры и осознать краткосрочные преимущества. Вторая касается дальней перспективы: недостаток политической дальнорзости, непонимание более глубоких течений власти и того Весомого, что должно появиться. Эти два вида политической глупости находятся в том же самом соотношении друг к другу как Военное соотносится с Политическим. Военное – оружие и слуга Политического. Только бедствие может получиться из ситуации, когда военное мышление доминирует над политическим мышлением. «Выиграть войну!» никогда не может быть выражением Политики, поскольку Политика занимается идентификацией течений власти, выбором Врага, и взвешиванием в соотношении к национальному интересу всех событий, внутренних и внешних, в соответствии с тем, как развивается война.

*Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 194, и следующие.

Поднять лозунг «Выиграть войну!» до уровня политики, как Америка сделала во время Второй мировой войны, эквивалентно высказыванию, что в войне нет ничего политического. Военное мышление – это просто не политическое мышление. Постоянное стремление всего военного мышления – одержать военную победу; соответствующее стремление всего политического мышления состоит в том, чтобы приобрести больше власти. Это может быть или не быть неявно в политике, которая, как кажется, желает военной победы любой ценой, потому что можно, вероятно, представить так же много исторических примеров политической и военной победы, происходящих отдельно, как и тех, когда обе победы совпадают нейтрально. Аналогично, если краткосрочное политическое мышление в политических решениях государства постоянно преобладает над долгосрочным мышлением, то единственным возможным результатом станет политическое исчезновение государства. Независимо от того, как умело выполнены его политические маневры, если государство проигнорировало большие течения власти при поисках решения своей политики, оно потерпит политическое поражение.

Все эти объяснения и определения применяются только к реальным политическим единицам, потому что микроскопические судьбы таких карликовых «государств» как Сан-Марино, Монако и Бельгия полностью определяются Судьбами истинных политических единиц, Великих держав, как дипломатическому концерту девятнадцатого столетия нравилось называть их.

Польские чиновники 1939 года были политически глупы в первом смысле. Их страна была окружена двумя Великими державами, которые только что заключили договор о ненападении, но они, тем не менее, решили вступить в войну, которая означала бы для Польши прямое, постоянное политическое исчезновение в наименее желательной форме: оккупация и разделение. На самом деле это чистое проявление милосердия, если мы называем политические действия тех чиновников глупостью вместо измены, поскольку вскоре после начала войны они исчезли, уехав за границу, чтобы жить на капитал, который они смогли накопить благодаря своей политике. Измена и политическая глупость тесно связаны друг с другом. В Лондонской декларации заявлено: «Измена – это не что большее, чем неспособность, когда нужно проявить решимость». В том виде, в каком оно используется здесь, слово «измена» обозначает изменническое поведение со стороны отдельных людей. Отдельный человек может улучшить свое личное экономическое положение через предательство, но никакая группа, но никакой класс, никакая органическая страта в стране никогда не сможет улучшить позицию власти страны через крупномасштабное предательство. В этом смысле любая измена – политическая глупость.

Английские чиновники 1939 года были политически глупы во втором смысле, в котором они совершенно не смогли идентифицировать большие течения власти, и аналогично им полностью недоставало государственного чувства Определения Врага: Враг – это то государство, которое вы можете победить и таким образом получить больше власти.* Таким образом, военная победа над противником, поражение которого оказывается настолько дорогостоящим, что вам нужно при этом учесть большую потерю власти в других местах, нужно назвать политическим поражением.

Эти английские чиновники подходили к дипломатическим приготовлениям к Второй мировой войне согласно старым испробованным и верным методам. Они попытались изолировать Германию, заключая везде, где это было возможно, военные союзы с соседями Германии («Мирный Фронт»). Они рассчитывали на американскую помощь, доверяя заверениям вашингтонского режима, что он сможет привести Америку к войне – несмотря на геополитическое положение Америки, несмотря на единодушную оппозицию американского народа, несмотря на конфликт между вмешательством и национальными интересами Америки, и наконец, несмотря на фундаментальное духовное безразличие американцев даже к победной войне против Европы.

Вопросом, который они были не в состоянии задать, было: Какова окончательная политическая цель? Или, другими словами: Как власть Англии будет увеличена через победную американскую войну против Германии? Если бы они задали этот вопрос, то для них было бы очевидно, что, так как Англия не могла выиграть эту войну в одиночку, то любое расширение власти, полученной от поражения Германии, было бы в пользу Америки или какой-то другой державы. Результатом их неспособности задать этот вопрос стало полное поражение Англии.

Самоубийственная политика английского режима в 1939 году – она была продолжена в течение войны – имеет различные корни, и окончательное объяснение этого заставит напряженно трудиться ученых и архивариусов. Основные факты уже известны. Во-первых, не нужно обвинять одну только политическую глупость: Некоторые члены правительства сознательно и намеренно преследовали политику, которая не была проанглийской, а только антинемецкой. Во-вторых, некоторые члены этого режима не были официально частью правительства, они в действительности даже не были частью английского организма. В-третьих, и что наиболее важно, с Джозефом Чемберленом богатая политическая традиция Англии была похоронена. Последующие государственные деятели имели меньший калибр; вояки классовой войны, как Ллойд Джордж и Макдональд; чистые индивидуалисты, способные представлять любые иностранные

интересы, как Черчилль и Иден; и даже одержимые психопаты, как Дафф Купер.

*Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 137 и следующие.

Томасу Харди удалось ввести Дух Иронии в его драму о наполеоновских временах «The Dynasts», в которой парадоксальное и ироническое составляют любимую беседу Клио. Какими смешными ретроспективно теперь кажутся усилия тех чиновников в Лондоне во время периода с 1939 по 1941 год: Они стремились втянуть Америку в войну! В действительности война была с начала до конца творением вашингтонского режима. Если бы война закончилась победой, то эта победа могла бы означать только увеличение власти для того режима, или для какой-то другой политической единицы, но ни в коем случае не для Англии. Английская нация была втянута в войну как вассал, которого заставили поверить, что он действовал независимо, и она вышла из войны со всеми характерными особенностями колонии. Только категорической, легалистической формулировки не доставало. Те, кто стоял во главе лондонского режима, которые были честны, даже если и глупы, интриговали, чтобы использовать Америку в их целях. И точно из-за их коварности они сами были использованы, чтобы способствовать амбициям вашингтонского режима.

БОЛЕЕ СИЛЬНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ВЛАСТИ В ВЕК АБСОЛЮТНОЙ ПОЛИТИКИ

Перед Первой мировой войной самым всеобъемлющим единственным потоком власти в мире было движение власти из Европы в колониальные области – в Америку, на Дальний Восток, на Ближний Восток, в Африку. Власть является духовной в своем происхождении. Это может означать только то, что Европа, если смотреть на нее извне, из Азии, Африки и обеих Америк – была в духовном упадке. Англия была единственной нацией, которая тогда была хранителем Судьбы Европы. У других европейских держав были обширные владения и интересы в мире, но никто другой, кроме Англии не мог похвастаться Мировой Империей. Для внешнего мира Англия была Западом. Однако английская национальная Идея была полностью осуществлена на протяжении девятнадцатого столетия; английская нация, в отличие от английского народа, слишком растратила свои силы и слишком устала, чтобы нести бремя Судьбы Европы. Этот факт

нельзя было скрыть, и, таким образом, чаши весов власти между Западом и Внешними Силами все больше склонялись в пользу Внешних Сил.

Таким образом, именно политическая слабость Англии разожгла в азиатских массах антиевропейское желание уничтожения. В 1900 году Английская Империя, включая моря, на которых Англия бесспорно доминировала, охватывала 17/20 поверхности земли. Чтобы сохранить эту структуру в той форме, была бы необходима вся политическая сила Европы. Проект англо-немецкого товарищества Джозефа Чемберлена был основан на этой способности проникновения в суть. Другие политические умы, у которых было это искусство сочувствия, правильно ощущали течение власти в то время, и весь мир был знаком с выражением Кайзера Вильгельма II, придуманным для этих побуждений: «Желтая Опасность». Большой факт «Желтой Опасности» доминировал в политической картине мира перед Первой мировой войной.

В рамках Европы великое течение власти шло из Англии к Германии. Меньшие державы Франция и Австрия были как в процессе распада, так и оба перешли в стадию вассалитета: Австрия стала вассалом Германии, Франция – Англии. Но Англия уже вошла в органически неизбежную стадию, в которой власть перемещается согласно законам центробежной силы. Течения власти перемещались от Англии к самым сильным отдаленным державам, к России в Средней Азии, к Японии в Китае и на Тихом океане, и к Америке в Западном полушарии. Англия постепенно теряла свое положение в мировой торговле в пользу Германии, Японии и Америке, и на морях она должна была уступить тем же трем политическим единицам.

Метаполитическое объяснение внутриевропейского течения власти от Англии до Германии просто. Спад и неизбежный упадок Идеи английской нации были частью развития Западной культуры от первой фазы Цивилизации, Века Экономике, к второй фазе, Веку Абсолютной Политики. Это была Судьба, что Англия, нация с негосударственной артикуляцией, которой были даны Идеи предопределения и невмешательства, для которой они были инстинктивными, для которой экспансия означала подобное бизнесу разграбление завоеванной территории с как можно меньшим политическим распадом в ней, была опекуном Западной Цивилизации в течение девятнадцатого столетия. Аналогично это была Судьба, а не случай, что окончание этого века либерализма, парламентаризма, экономики, невмешательства и торгового империализма также означало окончание власти Англии. Новый век, Век Абсолютной Политики, в котором Политика безоговорочно управляет всеми аспектами жизни в Западной Цивилизации, требует другого типа нации, другого «Интернационала»,* другой Универсальной гипотезы, чтобы исполнить Культурную Миссию двадцатого века и будущих

веков. Прусско-германская нация является одной из западных наций, национальная Идея которых полностью соответствует Культурному Императиву в этом Веке Абсолютной Политики. Для решения его задач этот Век требует древних римских достоинств: воинского идеала и чувства чести, политико-организаторского таланта, твердости, добросовестности, преданности долгу, жажде власти вместо жажды наживы. Так как прусская Идея совпадает с Духом Века, власть органически, естественно, непреодолимо течет к центру этой Идеи.

В том, что всеобщая война вспыхнет, все государственные деятели и политические мыслители были единодушны; только ее форма не была предсказана, да это и невозможно было сделать. Естественной формой, соответствующей проблемам власти, представляющим течения власти, был бы конфликт Англии и Германии против России и Японии. Так как Англия и Германия принадлежали одной и той же Культуре и имели общую Судьбу, как они всегда должны быть, любая война между этими двумя государствами должна была принести пользу внеевропейским державам до столь большой степени, что ни одна из них не могла бы извлечь пользу из этого, и это было, в общем, независимо от того, кто именно из них одержал бы военную победу, и кто потерпел бы военное поражение. Поэтому в интересах каждого из этих двух государств, для их собственного благосостояния, не меньше, чем для благополучия всей Западной культуры, было бы бороться за власть только против неевропейских сил.

*Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 198 и следующие.

После того, как война разразилась в неправильной форме, то есть, в форме, которая никоим образом не соответствовала проблемам власти, представленным течениями власти, направленное наружу движение власти из Европы значительно ускорилось.* Европейское господство в Индии было подорвано; Япония была освобождена от всех пут, привязывавших ее к Европе, и осталась с Америкой как со своим собственным конкурентом по власти. Америка стала доминирующей державой на морях, несмотря на подписанное пятью державами Морское соглашение 1921 года, по которому Америка уничтожила новые корабли суммарным водоизмещением 750 000 тонн. Эта глупость едва ли что-то изменила, просто из-за увеличенной способности Америки строить корабли, что можно было приписать войне, и из-за сильного духовного стимула войны, из-за пробуждения Америки из ее столетия изоляции, изоляции, сопоставимой с изоляцией тутового шелкопряда в его коконе. После Большевицкой Революции

1917 года и консолидации азиатского московского режима, Россия вошла в политический мир в качестве самой уверенной силы. В Европе Франция унаследовала континентальную гегемонию, которую Англия стремилась забрать у Германии.

Германия потеряла власть, верно; однако Англия проиграла даже больше. Она разделила на локальном уровне военную победу как часть мировой коалиции и заплатила за это общим, политическим поражением. С такими результатами Англия применила великое, фундаментальное правило стратегии точно наоборот: она использовала всю свою силу в несущественных точках, оставив в резерве лишь самое небольшое из того, насколько возможно, для решающей точки. В отношении цветного азиатского мира Англия все еще была хранителем Судьбы Европы, конечно, теперь более ослабленной, чем когда-либо, бледной тенью Империалистической Англии во время Серебряного Юбилея 1887. У Англии больше не было чувства Миссии, она больше не чувствовала себя призванной править, в ней больше не говорили об Империи, но о «Мандатах» – она больше не верила самой себе. Даже внутри страны Англия была в моральном и материальном хаосе. Война привела к Новому Веку, с его новыми ценностями и отказом от очень многого, что было прежде существенным, и старая Идея парламентаризма и принцип невмешательства были неэффективны в этой удивительно новой ситуации. Надличная Идея, которая полностью осуществила себя, не может развиваться далее. В здоровом, органическом развитии Англия приняла бы новую надличную Идею, новую Гипотезу, и была бы поглощена в новый «Интернационал», но катастрофическая форма Первой мировой войны предотвратила это нормальное развитие. Запад был представлен перед миром не могущественным, стабильным союзом Англии и Германии, в военном и политическом отношении победившим Россию и Японию, но престарелым английским Капитализмом.

*Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 565 и следующие.

Если бы Война приняла органическую форму, англо-немецкую коалицию против возрастающей азиатской угрозы, то она закончилась бы европейской победой и привела бы целую планету под влияние Европы. Но в той форме, которую приняли события, Запад потерял большую часть тех 17/20 поверхности земли, которыми он управлял, так что только 4/20 остались подконтрольными ему.

И, таким образом, эти два течения власти продолжили неустанный, центробежный поток от Европы к Внешним Силам, и центростремительный поток от Англии к Германии.

Власть в эмбриональной духовной форме текла от Англии к Германии. Вся Европа все больше и больше смотрела на прусский Идеал в поисках руководства. Эта идея непреодолимо увеличивала моральную силу, силу ее Внутреннего Императива и Культурного престижа. В пределах Европы текло другое, меньшее течение власти, от Франции к Италии, на сей раз фактической политической власти. Источником этого течения был гений одного единственного человека, Муссолини. Он произвел преобразование Италии, придав ей прусско-немецкий Социалистический Этос. Так как мелкий национализм девятнадцатого столетия еще не был преодолен в Италии, как это произошло в других местах, Муссолини был вынужден связать свой новый Идеал Построения государства с именем Имперского Рима. У Италии и всей Западной Цивилизации нет никакой внутренней связи с Имперским Римом, и при этом она не имела никакой связи с ним. Поэтому, возможно, правильно, что истинное вдохновение его Гения упомянуто здесь. Сам Муссолини назвал Ницше и Сореля двумя учителями, которые вдохновили его. Оба были противниками невмешательства, оба были антипарламентскими, антилиберальными, антидемократическими; у обоих были сильные авторитарные склонности.

Центробежное течение власти из Европы за ее пределы текло более сильно в Японию, Россию и Америку. Слабые головы в Англии печально смотрели на американскую колонию, символизируемую в ее духовных дарах такими политически слабоумными лидерами, как Вильсон, Лансинг и Хардинг, и надеялись на духовное лидерство и материальную поддержку со стороны Америки. Эта надежда сохранялась даже после того, как американцы громко и ясно продемонстрировали, что они были довольно безразличны к европейской политике, что показал их Конгресс, когда он отказался ратифицировать Версальский мирный договор и тем самым отверг членство Америки в Лиге Наций. Из-за стремления к американскому доминированию со стороны определенной группы европейцев, особенно многочисленных и влиятельных на Острове, полностью измененное американское руководство, которое вышло из американской Революции 1933, нашло открытую дорогу к финансово-дипломатическому завоеванию Франции, Англии, и Нидерландов. Впредь Америка вмешивалась во все внутриевропейские дела, всегда с намерением продвигать ту же самую отрицательную политику, означающую «коллективную безопасность», которую можно назвать и антинемецкой, и пробольшевистской.

Здесь кратко показаны эпохальные события Межвоенного Периода 1919-1939:

1919

Версальский диктат; французская гегемония установлена в Европе. Публикуется труд Шпенглера «Пруссачество и социализм».

1921

Муссолини появляется в Истории; первое открытое восстание в Европе Социализма против Капитализма, Власти против Денег, Веры против Критики, Дисциплины против Невмешательства, Сознания долга против идеологии «счастья», Иерархии против Равенства, Жажды власти против Жажды наживы.

1923

Франция вторгается в Германию; звездный час власти Франции в ее доминировании в континентальной Европе.

1931

Крах международной финансовой структуры Капитализма; экономическая катастрофа, происходящая из этого; экономическая депрессия всюду в Западной Цивилизации.

Япония успешно претендует на монополию власти на Дальнем Востоке с ее аннексией Маньчжурии.

1933:

30 января: европейская Революция. Восстание Духа Властей против Денег, Социализма против Капитализма; ниспровержение псевдопобеды Капитализма 1918 года.

Американская Революция 1933 года.* Приход к власти еврейского сообщества. Длительное преобразование американской политики через отказ от националистического изоляционизма и введение интернационалистской политики. Формирование еврейско-американского Симбиоза начинается.

Конец французской гегемонии в Европе.

1936:

Договор Четырех Держав: Англия, Франция, Германия и Италия навсегда отказываются от ведения войны друг против друга; первая коллективная попытка сформировать органически решительную Европейскую Империю.

Август-сентябрь: Америка успешно вмешивается, чтобы предотвратить ратификацию Договора Четырех Держав, сорвать создание Европейской Империи и сделать возможной Вторую мировую войну для того, чтобы разрушить власть Европы и помешать подъему во всем мире Авторитарного Социализма в ущерб Финансовому Капитализму.

Это год, в котором английский премьер-министр Болдуин сделал свое заявление о зависимости Англии и Франции от Америки.

1938:

Мюнхенское соглашение для умиротворения Европы. Четыре Державы действуют вместе, чтобы покончить с чешским доминированием над немцами, словаками, венграми и русинами. Последние большие европейские усилия преодолеть раскол Европы на маленькие государства и установить временную Европейскую Империю без внутриевропейской войны.

Американское вмешательство в Англию смогло аннулировать взаимный англо-немецкий отказ от войны и вызывает переориентацию английской политики на создание военного фронта против Германии.

1939

Формирование «Мирного Фронта», военного союза Американизированной Англии против Германии как дипломатическая подготовка к Второй мировой войне.

Сентябрь: Окончательный успех американской политики. Внезапное начало английской войны против Социализма и Пробуждения Власти.

1941

Нападение на Россию временной Европейской Империи. Война приобретает второй аспект.

Ноябрь: Вашингтонский режим предъявляет свой военный ультиматум Японии как средство для провоцирования японского нападения, которое облегчило бы вмешательство Америки в европейскую войну вопреки желаниям американского населения.

Декабрь: Япония отвечает войной на ультиматум, причем вашингтонский режим заранее знает время и место нападения. Полное уничтожение Японией американского флота в Пёрл-Харборе происходит, потому что вашингтонский режим сознательно задерживает все оборонительные мероприятия. Америка объявляет войну Европе; Европа становится главным врагом и определяется главный фронт. Война расширяется и показывает саму себя с третьего аспекта.

Метаполитика войны

ТРИ АСПЕКТА ВОЙНЫ

В этом Веке Абсолютной Политики Культура обеспечивает мотивацию для Великих войн. От 1000 до 1500 года нашей эры внутренняя политика Европы определялась верностью вассала феодалу. Мотивация внутриевропейской борьбы за власть в течение столетий до Венского конгресса была религиозной и династической; на протяжении девятнадцатого века она была националистической и экономической. После 1900 года целая планета стала все более и более активной в политическом отношении. Уменьшение власти Англии пробудило в Цветном мире иллюзию, что вся Западная культура оказалась в состоянии уменьшающейся власти. В действительности это было неверно, но внезапное начало Первой мировой войны и всемирный приговор против Западной силы и Западного престижа, казалось, подтвердили это неверное представление. Так как масштаб политической деятельности стал планетарным, остаются только две духовные возможности для конфликта: во-первых, Западная Идея мирового правления (и больше двух столетий, прямо или косвенно, Запад фактически управлял большей частью мира); и, во-вторых, Внешнее Восстание, которое является просто отрицанием этой Западной Идеи. Проявлениями Идеи всемирной Западной империи были: Британская империя, и все другие европейские заморские империи; завоевание американцами их континента, американский империализм на Тихом океане; устойчивое желание Германии расширения в славянские области и ее подталкивания назад восточной границы Западной культуры в течение тысячелетия 1000-2000. Проявлениями Внешнего Восстания были: китайская Опиумная война против Англии; индийские мятежи 1857 и 1947; зулусские войны; мексиканское восстание против императора Максими-

лиана, мексиканская революция 1910; китайская революция 1911; филиппинские восстания против Испании и последующие филиппинские восстания против Америки, 1900-1946; большевистская Революция 1917; японская война против Запада, 1941 – 1945.

Таким образом, фронт власти, как видно, основан на Культуре как доминирующем духовном фронте в мировой политике, и вся другая политика, будь она примитивной, локальной или личной, затеняется этим огромным разделением.* На планете есть только одна Высокая Культура в процессе воплощения, Западная культура. Вне этой Культуры существуют только остатки мертвых Культур, народы которых снова стали примитивными, феллахи, как китайцы, индусы и мусульмане; дикари, как африканские и американские аборигены; варвары, как русские и определенные племена в Средней Азии. Все народы, живущие вне Запада, по необходимости переняли многие западные обычаи и особенности, так как уникально сильный империализм Запада претендует на всю землю, и его достижения вынудили народы мира признать бесспорное интеллектуальное и материальное превосходство Европы. Это не означает, однако, что «вестернизация» может когда-либо быть какой-то иной, нежели поверхностной. Когда Западная культура говорит «Да» своему Империалистическому побуждению, она, естественно, вызывает реакцию среди тех, кто не принадлежит к ней. Их органический ответ – одинаково страстное «Нет». Когда они перенимают западные методы, они делают это только для того, чтобы использовать их против Запада: Если копья не могут победить Белых, давайте научимся, как построить фабрики и произвести машины!

С Культурной точки зрения Вторая мировая война состояла из трех органически отделимых войн. Первой из них была внутрикультурная война: Англия против Германии. В терминологии Идей это была война Капитализма против Социализма. Но так как у этих двух великих мировоззрений есть органическая связь друг с другом, то это была фактически борьба между Прошлым и Будущим, поскольку Капитализм принадлежит Прошлому, Авторитарный Этический Социализм – Будущему. Так как Прошрое никогда не может победить факт Будущего, кроме как в подобию, у этой внутрикультурной войны было только два возможных результата: Победа Идеи Этического Социализма или Хаос внутри всего Западного организма.

Вторая из этих войн началась с нападения временной Европейской Империи на Россию, лидера Внешнего Восстания против Западного всемирного правления. Естественной, органической формой этой войны была бы Европа со всеми своими колониями: Америкой, Южной Африкой, Австралией, Аргентиной и др. против России и других азиатских держав. Такая война закончилась бы политиче-

ским уничтожением азиатских держав, включая Россию, и установлением Западного всемирного правления в более строгой, более абсолютной форме, чем Западная Империя, скажем, в 1900 году.

Третья из этих войн была связана со второй: американская война против Японии, как европейская война против России, была войной Запада против Внешнего Восстания. Во время этой войны ролью Америки была роль Западной колонии, и ее победа над Японией была также победой для Европы, так же, как победа Европы над Россией была бы победой также для Америки.

Первая, внутриевропейская война, очень быстро потеряла характер таковой, так как все военные усилия Англии были приведены больше, чем когда-либо, под руководство вашингтонского режима, и Англия, как и ее оставшиеся заграничные владения, были оккупированы американскими войсками. Так вашингтонский режим хотел гарантировать, что Англия не попытается выйти из войны. С американской оккупацией Англии и остатков ее Империи, закончилась внутриевропейская война Англии против Германии. После этого было две органически отделенных войны: Европа против американско-российской коалиции и Япония против Америки. Где бы ни сражались английские войска, это было только для расширения русской или американской власти, так как больше не было английской политической единицы, власть которой могла быть расширена победой.

Так Америка стала вовлеченной во все три органически отделенных войны. Ее участие во Второй мировой войне было борьбой за победу Запада, в отношении Японии, и одновременно за поражение Запада, в отношении России. Америка сражалась за азиатскую победу и против азиатской победы.

Результат второй органически отделенной войны, войны европейской Империи против России, был осложнен политикой Америки по отношению к России. В начале войны Россия была готова к тому, чтобы заключить мир с Европой, но вашингтонский режим, в соответствии с его просто отрицательной, антиамериканской политикой нанесения поражения Авторитарной Социалистической Европе любой ценой, даже ценой национального самоубийства, обещал оказать экономическую поддержку всем военным усилиям России, пока она останется в войне, обещал поделить с нею мир в русско-американском всемирном кондоминиуме в послевоенный период. У поведения Америки по отношению к России никогда не было аналогов во всей мировой истории. Во время войны Америка лишала свои собственные вооруженные силы огромных масс военной техники и вооружения, которое она поставляла России бесплатно и без каких-либо условий последующей оплаты. Америка поставила России 14 795 самолетов, 7 056

танков, 51 503 джипа, 35 170 мотоциклов, 8 071 трактор, 375 883 грузовика; другие машины и оборудование общей стоимостью в 1 078 миллионов долларов; 107 миллионов ярдов хлопковых продуктов и 62 миллиона ярдов шерстяных продуктов. (Этот список является неполным и не включает суда, продовольствие, железнодорожную материальную часть, и т.д.) По американским приказам огромные количества вооружений и другого жизненно важного оборудования были забраны у английской армии и отправлены в Россию, включая 5 031 танк и 6 778 самолетов. Поставки сырья достигли общей стоимости 39 000 000 фунтов. Американский вице-король в Англии Уинстон Черчилль признавался в своих мемуарах, что одна из его дипломатических проблем заключалась в том, чтобы убедить русских принять эти подарки без подозрений и с доброй волей. На протяжении войны коммунистические подпольные движения во всем мире получали от Северной Америки оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, одежду, лекарства, продовольствие и финансовую поддержку – это было в Европе, в Сербии, и на Дальнем Востоке, особенно на Целебесе, на Суматре, в Индокитае и Китае. Это ясно – еще раз из простых Органических Законов Политики – что вашингтонский режим никоим образом не преследовал американскую политику.

Националистическая политика никогда не может быть отрицательной. Когда национальная политика становится отрицательной, значит, что-то преобладало над национальным интересом. За все время войны американской пропагандой руководил единственный большой императив: Уничтожить Германию! На заднем плане было слабое эхо: Уничтожить Японию! Пропаганда, однако, не оставляла сомнений об относительной важности этих двух отрицаний.

Без вмешательства Америки как жертвующего всем лакея в пользу России война Европы против России могла бы закончиться двумя способами: политическим уничтожением России Европой, или переговорами о мире. После вступления США в войну вторая возможность была устранена. В ее главном аспекте Вторая мировая война больше не была войной Европы против России, но с большим основанием войной Америки против Европы, и у этой войны был только один возможный исход; политическое разрушение Европы. Бесчисленные русские войска боролись фактически под тем же командованием, что и войска Америки и ее сателлитов. Противостоя этой коалиции держав, у Европейской Империи не было никакого выбора, кроме как просить о мире. Американская формула «безоговорочной капитуляции» сделала это невозможным, как бы то ни было.

(Американские авторы М. Стэнтон Эванс и Херберт Ромерстайн в книге «Секретные агенты Сталина», посвященной советским агентам влияния в окружении Франклина Рузвельта и в американской власти вообще во время Второй миро-

вой войны, считают, что формулировку «безоговорочной капитуляции» навязали американцам по поручению Сталина эти самые агенты влияния, вопреки возражениям многих высокопоставленных американских чиновников и военных. – прим. перев.)

Третья из органически отделенных войн, война Японии против Америки, имела три возможных результата: политическое разрушение Японии, переговоры о мире, или изгнание американской власти из Тихого океана. Политическое уничтожение Америки было и остается невозможным вследствие географического положения и территории Америки. Только заграничная империя Америки, в Средиземноморье, в Африке, в Персидском заливе, на Тихом океане и в Карибском море может быть разрушена, но не сам американский политический базис, автаркический и неприступный для многочисленных армий с другого континента.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЙНЫ

После американской оккупации Англии больше не было войны между Англией и Германией, потому что способность вести войну против врага по своему собственному выбору является характерным признаком суверенной державы, и суверенитет Англии прекратил свое существование.* Но все еще была духовно-этическая «война» между английской идеей Капитализма и прусско-немецкой идеей Этического Социализма. Так как в этом Веке Абсолютной Политики Политика берет в свои руки каждый аспект Жизни, этот духовно-этический конфликт должен был быть решен военно-политическим конфликтом. Таким образом, идея Капитализма девятнадцатого столетия одержала псевдопобеду над Идеей Этического Социализма двадцатого столетия, и это означало Хаос всюду в Западной Цивилизации. Прошлое не может одержать стабильную, долговременную победу над Будущим. Позже Стюарты и Бурбоны осознали это, и Меттерних тоже. Это – старый урок, который всегда нужно изучать снова и снова.

В ее духовном этическом аспекте война, так как она не разрушила Европу, привела к единственному возможному результату: она ослабила Идею Капитализма и, в том же самом темпе, усилила Идею Социализма, дав Социализму победу, по крайней мере, в области Техники. После войны единственным возможным способом управлять и поддерживать порядок в каждой западной стране было использование полного политического регулирования экономической жизни, другими словами, применение Социалистических методов. Принцип невмешательства всюду умер, и на национальном, и на международном уровне, кроме как в самой высокой экономической сфере, сфере банков и фондовой биржи. В

настоящее время эту область пощадило вмешательство государства, просто потому что именно она и выбирает правительства. За парламентскими марионетками стоит Хозяин Денег.

Вторая война, война временной европейской Империи против России, привела к военной и политической победе России. Эта политико-военная победа, основанная на американской помощи, предоставляемой с щедростью, уникальной в мировой истории, превратила Российскую империю в важнейшую державу в мире, вследствие ее геополитического положения и низкого качества ее единственного оставшегося противника, несмотря на то, что этот противник доминировал над большей частью планеты, чем Россия.

*Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 183 и следующие.

Псевдопобеда Англии была обязана исключительно политике вашингтонского режима принесения в жертву американских и европейских интересов российским интересам. Очень важен тот факт, что вашингтонский режим вполне сознательно и намеренно создал нынешнюю Российскую империю как инструмент своей абсолютной антинемецкой, антиевропейской политики.

Третья война, война Америки против Японии, была, с Культурной точки зрения, войной Западной Цивилизации против Внешнего Восстания. Для поверхностных наблюдателей ее результатом, казалось, было политическое уничтожение Японии. Все же эта война закончилась договорным миром. Самый важный факт о японской истории, обществе и политике – это то, что у Японии есть страта носителей нации, слой населения, который чувствует себя обязанным исполнить органическую Миссию. Америка не сделала ничего, чтобы ослабить у этой страты чувство Миссии. Через мирные переговоры были сохранены японская нация, государство, аристократия, и другие институты; японская армия была расформирована с честью, и Император, национальная Идея японцев, не пострадал от Восточной потери лица. Американская армия оккупировала Остров, и даже командующий этой армией говорил открыто о скором прекращении оккупации. Эта война привела к военной и психологической победе для Америки, и, по крайней мере, в настоящий момент, Запад утвердился в той части мира, где он отступал в течение 75 лет. В то время, однако, в ИМПЕРИИ, я назвал Японию политическим победителем Второй мировой войны, потому что ее внешняя Миссия, изгнание Запада из Азии, была достигнута, и ее внутренняя независимость, хотя

временно и приостановлена, не была в действительности отменена.* Вашингтонский режим, который испытывал только незначительный интерес к Японии, разрешил своим оккупационным войскам значительную автономию. Руководители этих сил понятия не имели о всех типах власти и о сверхтечениях власти в мире. Их представление об эксплуатации победы было на журналистском уровне. Они рассматривали главные усилия оккупации не как политические, а как моральные. Это командование оккупационных войск всерьез хотело «обучить, воспитать» японскую нацию, как будто она была ребенком, и научить японцев «демократии».

*Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 587 и следующие.

Степень, в которой военная победа Америки над Японией была также политической победой над Японией для всей Западной Цивилизации, является, таким образом, в действительности очень небольшой. Политика режима, направленная на восстановление Японии, подорвала самую большую часть победы. Его сдача Китая и Маньчжурии России, лидеру Внешнего Восстания против Западной Цивилизации, подорвала ее еще больше. Последний остающийся шаг, восстановление японского суверенитета, является только вопросом времени, потому что здесь инициатива находится в руках Японии. Пока японская монархия и японский несущий слой страны, с его чувством Миссии, выживают неослабленные, возрождение японского суверенитета, японского милитаризма и Японской Империи против Америки являются бесспорными.

Внешнее Восстание против Запада было только в локальном масштабе сдержано военной победой Америки над Японией. В других частях Дальнего Востока восстания были успешны. Китайцы, малайцы, индонезийцы и примитивные жители Филиппин прогнали своих западных хозяев.

В метаполитическом смысле Западная Цивилизация проиграла войну против Японии, несмотря на локальную, чисто военную победу американцев.

ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ ВОЙНЫ

Двумя великими течениями власти в мире перед Второй мировой войной были центробежный поток власти от Западного организма к Внешним Силам (особенно далеким от Континентальных европейских стран, так как устаревание английской национальной Идеи привело к течению власти Англия-Америка), и, затем, центростремительный поток свойств, которые одни лишь делают власть жизнеспособной и долговечной, от Англии к Пруссии-Германии.

Чтобы сформулировать эти два течения власти как проблемы власти – с европейской точки зрения – первой проблемой было: Как восстановить европейскую мировую гегемонию? И второй проблемой было: Как Европа должна быть наполнена Этическим Социализмом, единственным жизнеспособным мировоззрением и нациестроительной силой в этом Веке Абсолютной Политики?

Эти две проблемы были настоящими проблемами Второй мировой войны. Люди и правительства не могут создать проблемы власти; скорее они возникают, когда надличные организмы сталкиваются с существующими течениями власти. Оба лежат далеко вне любого человеческого контроля. Путешествуя на корабле по морю, можно плыть по течению, или попытаться идти против него, но нельзя создать новые течения. Так обстоит дело и с Органическим: возможности являются данностями, и их нельзя подвергнуть изменению или сомнению. Можно или принять органическую возможность, или предаться разочарованию, болезни и хаосу. Если эта возможность оказывается безуспешной достаточно долго, однажды больше не будет ничего, что можно было бы принять, поскольку у Органического всегда есть определенная продолжительность существования.

Более важной из этих двух проблем власти в определении формы войны была первая: Европейская Империя добровольно решила дать проблеме мирового положения Европы приоритет над проблемой внутренней конституции Европы. Надеялись, что решение последней проблемы могло быть отложено до времени, когда она могла быть решена легче, и не подвергая опасности европейскую позицию в мире. Это решение не захватывать английский Остров было личным решением Героя, который был хранителем Судьбы Европы во время Второй мировой войны. Со времени того решения, с июня 1941 года, вторжение Европейской Империи в Азиатскую Россию было реальной войной. Европа израсходовала свою энергию, главным образом, на победу в той войне, в которой победа гарантировала бы Судьбу европейской Культуры на ближайшее столетие.

Теперь война не могла пойти тем своим естественным курсом, который соответствовал бы органическим проблемам власти, то есть, Англии и Германии против

России и Японии, с Америкой и другими колониями, либо нейтралами, либо их союзниками по отношению к Европе. Вместо этого вашингтонский режим заставил ее принять искаженную форму: Англия и европейские колонии напали на Европу с тыла, в то время как она боролась за свое Культурное-политическое-экономическое-социальное-военное-техническое выживание.

Так как эта форма войны была неестественной, не находясь ни в каком отношении к органической проблеме власти, представленной течениями власти, ее результаты тоже были неестественными. Как показывают Органические Законы Политики, такое искажение, как Вторая мировая война, может произойти только из-за вторжения Культурно чуждой группы в политические дела организма хозяина. Вторая мировая война была самым чудовищным проявлением Искажения культуры в истории Высокой Культуры.

Культурно чуждая группа, которая вызвала войну, могла символизировать свой триумф над Западом через позорный «трибунал» в Нюрнберге, спустя год после войны, но ее победа была столь же неестественной, как и сама война. И при этом Культурно чуждая группа не может занять какую-то длительную политическую позицию внутри организма хозяина. Она далее порождает свою собственную оппозицию, Культурные антитела, из-за которых ее власть, в конечном счете, растворится. Власть, чтобы быть идеальной, должна осуществляться открыто. Но Культурно чуждая группа может удержать власть только, пока она действует через других, через людей, организации, классы, правительства и группы каждого вида, которыми она управляет, чтобы временно направить их силы в свои собственные каналы.

Аналогично, господство России в результате войны является неестественным. Оно не приводит органическую реальность к выражению, но противоречит ей. Европа обладает истинными источниками власти, которые духовно-этичны; Российская империя – это только бесформенная группировка варварских племен с чисто отрицательной миссией. В этом, своем Имперском Веке, Европа просто не созрела до того, чтобы над нею доминировали варвары.

*Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 535 и следующие.

Таким образом, это была война растроченной энергии и потерянной власти, потерянной территории и разрушенных городов, потери жизни, богатства, усилия

– потерь всюду, кроме как в сфере Героизма и Духа. В духовной области великий процесс формирования Империи продолжался неумолимо, и каждый видел любопытное зрелище как марионетки вашингтонского режима, «черчилли», перенимали цель Героя, уничтожить которого они помогли Вашингтону и Москве. Они начали говорить об «объединении Европы». За несколько месяцев до того они ненавидели Европу, которая была объединена – неразрывно объединена через кровь, пролитую в тундрах и степях, в лесах России, и чтобы уничтожить Европу, они были готовы предать свои европейские Родины и свои собственные души. После войны самая горячая голова из марионеток завопила в ужасе, в стиле своих военных подстрекательств, что Азия теперь стояла на Эльбе. Когда эта граница была на Волге и на Кавказе, он сделал все, что было в его власти, какой бы малой она ни была, чтобы привести эту границу в центр Европы.

Героический мир стоит бесконечно выше экономически-технического разделения на полезное и бесполезное. И военный тест «победы» не имеет действительной силы в сфере Героизма. Именно Кромвель вдохновил поколения лидеров после своей смерти и последующего позора, не более поздние Стюарты, один из которых приказал разорвать его тело дикими лошадьми. Именно Наполеон вдохновил целое столетие лидеров после него, не Людовик XVIII, не Меттерних, не Талейран. Приблизительно в 1840 году Наполеон восторжествовал, он, имя которого в Европе за двадцать лет до этого можно было похвалить только на свой собственный страх и риск. Идея Наполеона завоевала духовно-политическую сферу, его личность – Героическую сферу. Кто упрекнул бы его теперь фактом проигранных сражений при Лейпциге и Ватерлоо?

То же самое должно быть и с Героем Второй мировой войны. Он представлял новый этический тип, который вдохновит и внутренне сформирует всех будущих значительных лидеров Запада. Сожаление вокруг его «ошибок» после Второй мировой войны было просто презренным. Каждый журналист и каждый хвостун знают обо всем лучше, чем великий человек – они на его месте не сделали бы ту или иную ошибку. Действительно, они никогда не были бы на каком-то месте, чтобы сделать что-либо вообще!

Героизм не тратится и никогда не может тратиться впустую. Пока мужчины переживают Героя, они будут под влиянием его и его легенды. Он продолжает жить в духе, и продолжает воздействовать на мир фактов и поступков.

Морфология Третьей мировой войны

АМЕРИКАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ ЕВРОПЫ

После Второй мировой войны противники Героя той войны были все еще во власти его неотразимой индивидуальности. Они либо подхватили его идеи и объявили их своими собственными, либо они продолжали бороться против него. Не было никакого следа какой-то новой Идеи, независимой от идей Героя. Это может быть объяснено тем, что проблемы в мировой политике все же являются теми же самыми, что и проблемы Второй мировой войны, поскольку война не решила проблемы власти, не следуя ни одному из органических течений власти, и не изменяя их.

Во время войны некоторые европейцы сохраняли удобную иллюзию, что вашингтонский режим был враждебен только к определенным государствам в Европе, определенным Культурным народам в Европе, определенным идеям в Европе. Однако настоящим врагом режима в Вашингтоне была Европа, что означает, прежде всего, Несущий Культуру слой Европы, та невидимая страта населения, которая на основании своей чувствительности к Культурным Императивам является хранителем Судьбы Западной Цивилизации, и останется таковой также до конца Западной истории. Эта страта, насчитывающая приблизительно 250 000 человек, распределена по всей Европе, но, естественно, она сконцентрирована, прежде всего, в Германии, что можно объяснить тем органическим фактом, что прусско-немецкая страна предназначена для того, чтобы реализовать Европейскую Империю. Так как эта страта невидима – кто мог бы, глядя на Рембрандта, Гёте, Наполеона, Бисмарка в колыбели, увидеть то, чем эти люди должны были стать? – вашингтонский режим приступил к своей послевоенной задаче ликвидации этой страты, пытаясь убить всех тех, кто уже доказал свою принадлежность к элите.

Ирод стремился убить Младенца Христа, убивая всех младенцев мужского пола в Вифлееме младше двух лет. Захватчикам показалось невыполнимым перенять эту методику полностью. Все же они думали, что, если бы они устранили элиту прошлого, то они в силу самого этого факта предотвратили бы формирование новой элиты, элиты Будущего. Следовательно, они возобновили чудовищную Черную Мессу процессов с казнями на эшафоте, уникальных в Истории, которые были предназначены для того, чтобы уничтожить всех, кто на военной службе в какой-то определенной области имел выдающиеся заслуги. Эти Черные Мессы, по-разному названные «Entnazifizierung» («денацификацией»), «очищением», и т.п., в различных странах, были по воле вашингтонского режи-

ма проведены во всех частях Европы. Даже в таких странах, как Швеция и Швейцария, которые не участвовали в войне, для вашингтонского режима выследили определенных людей, «судили» их и убили. Этими методами тысячи лучших умов были ликвидированы. Но этого все еще было недостаточно. Нужно было уничтожить огромные массы людей. Определенным способом, по крайней мере, должен был быть применен метод Ирода.

Соответственно, были разработаны «законы» для применения, имеющего обратную силу: Все, кто в прошлом верил в создание Европейской Империи и работал для этого, стали «преступниками». «Наказанием» за это «преступление» повинования Историческому Императиву нашего Века не могло быть простое тюремное заключение на определенный срок; это было бы невозможно. Убийство миллионов сталью и веревкой? Нет, миллионы людей должны были быть сломлены на всю оставшуюся жизнь.

Сотни тысяч французских, валлонских, фламандских, голландских, датских и норвежских солдат возвратились домой после долгих лет сражений против азиатской России, и оказались обвиняемыми в «измене» и осужденными на смерть или приговоренными к годам заключения в концентрационных лагерях. (В одной только Бельгии американцы посадили в тюрьмы 400 000 человек из восьмимиллионного населения.) Потому что при «новом порядке» вашингтонского режима, борьба европейцев за выживание и власть Европы определялась как «измена». Так один американский полковник, игравший роль «судьи» на «процессе о военных преступлениях», сказал европейскому солдату, который выполнял приказы своих командиров: «Вы могли бы дезертировать!»

После того, как их выпускали из переполняющихся концентрационных лагерей, у «преступников» отнимали всю собственность, приговаривали к большим штрафам, лишали всех гражданских прав, что делало почти невозможным для них заработать средства к существованию, и запрещали им выполнять любую работу, кроме самой жалкой и низкооплачиваемой.

Американское Верховное командование отчаянно проводило политику, которая вызвала однородное обнищание европейцев, которых оно высокомерно называло «местным населением». Спустя годы после войны Верховное командование сознательно взрывало европейские заводы, или демонтировало и отправляло их в Азиатскую Россию; вырубало гигантские леса в Германии, которые снабжали людей древесиной за годы до того, как Колумб открыл Америку. Они конфисковали большие части европейских городов и запрещали европейцам входить в них; выгнали из своих домов, безжалостно и без предупреждения, сотни тысяч европейских семей, чтобы освободить место для семей солдат оккупационных

войск Америки и ее сателлитов; установили ежедневную порцию 1000 калорий для взрослых, которая соответствует только одной трети количества, нужного для поддержания человеческой жизни; запретили своим оккупационным солдатам давать или продавать европейцам еду и одежду, даже разговаривать с ними. И, наконец, оно объявило Европе, что американцы стали «Herrenvolk», «народом господ», обладавшим большим пониманием политических фактов и этики, чтобы освободить «европейцев» и «обучить» их Истинной Демократии.

Хотя американская оккупация использовала лозунг «демократии», она даже не делала вид, что вводит демократические формы девятнадцатого столетия. Пресса, политические партии, любой вид собраний, любое движение – все это требовало «лицензии». Это было заменой отрицательным, механическим «принципом вождя» (Führerprinzip) естественного, органического Авторитарного государства, основанного на внутренне обязательных принципах Этического Социализма, который является predetermined государственной формой Европы в этом Веке Абсолютной Политики. Это была тирания капиталистического либерализма, использующая простые методы европейской государственной формы, не понимая их духовное содержание. «Свобода слова», которую Америка принесла в Европу своим завоеванием, лучше всего показывает пример Бевина, английского министра иностранных дел. В 1948 году он публично высказался о «финансовом рабстве Уолл-стрит», и в течение одного дня он был вынужден публично просить прощения.

Американская оккупация раскрыла существование целой страты европейского населения, которое до настоящего времени никогда не осознавалось как единица. В Германии выражение «der Deutsche Michel» («Немецкий Михель») долго было актуальным. Оно относится к типу с антинациональными инстинктами, любителю болтать, а не делать, также стороннику антиобщественного индивидуализма, невмешательства и парламентаризма, человеку, который раболепствует перед иностранцами, естественному, инстинктивному, органическому предателю. Эта страта немецкого населения во время двух мировых войн работала систематически, но вполне инстинктивно, на победу врага. Как и Несущий Культуру слой, тип Михеля распределен по всей Европе. В каждой европейской стране у Америки есть внутренняя Америка, страта Михеля, как реклама для ее политического успеха, и псевдоевропейцы, которых Америка использует, чтобы осуществлять свою политику в местном масштабе. Таких европейцев называют «черчиллями», по имени самого известного их представителя.

Наконец, американская оккупация Европы неопровержимо продемонстрировала, что политика «изоляции» Англии от остальной части Европы, от европейской семьи народов, к которой она принадлежит, была гротескным анахрониз-

мом в двадцатом столетии, Веке Абсолютной Политики, веке борьбы за контроль над планетой, в которой могут принимать участие только Великие державы с большим географическим базисом, а не крошечные острова, расположенные близко к Континенту. В Век Экономики и Национализма политика Изоляции была оправдана, как и идея «Равновесия сил». Но очень многое из того, что в девятнадцатом веке было правильным, разумным, естественным и оправданным, в двадцатом столетии просто принадлежит прошлому. В том столетии одна только Англия смогла завоевать и удерживать в повиновении Индию. В этом столетии это больше не находится в пределах возможного. В том столетии морская сила могла использоваться решительно. В этом столетии морская сила больше не является решающей, так как все внутренние, континентальные территории («хартленд») стали политически активными.

Это было трагично, что Англия так долго придерживалась доктрины изоляции, потому что это сделало возможной для Вашингтона вторую братоубийственную войну. Идея изоляции, таким образом, внесла свою лепту в потерю Европой мировой гегемонии. Однако эта идея выживает сегодня только в склеротических мозгах Культурно отсталых стариков. Решающим является факт перехода Англии, вместе со всеми другими европейскими странами и народами, в общий статус подчинения Америке, не симулирование неослабленного английского суверенитета определенной стратой, оставшейся от прошлого. Сообщество Судьбы Англии с остальной частью Европы теперь доступно всем в мире, оно связывает всюду, и не может отрицаться ни в одном человеке, ни в течение одного момента.

УПАДОК ЗАПАДНЫХ НАЦИЙ

В одном из ее результатов Вторая мировая война показала всему миру, что Век Национализма ушел навсегда. Точно те страны, вражда которых достигла таких фантастических пропорций в этом Веке, прекратили существование как политические единицы. Здесь нет никакой связи причины и следствия, поскольку у Идей наций есть определенная продолжительность жизни, так же, как каждый аспект существования Культуры и каждая Западная нация умерли, когда органически пришел их черед. Последняя фаза Идеи нации – ее политическая фаза.*

Самой старой из западных наций, первой, которая достигла политической фазы своего развития, была Испания. Ее великий период начался с объединения Арагона и Кастилии и достиг своего апогея с мировым господством Карла V. Последним актом испанской истории было восстание против Наполеона, и даже

тогда сопротивление было больше примитивным и расовым, чем национальным. После того периода Испания больше не играла независимой роли в западной истории, тем не менее, конечно, она сохранила общую Судьбу с Западной культурой, и ощущала это. Франция вошла в свою политическую фазу во времена Ришелье и появилась в Западной истории как духовно независимый народ до рубежа веков. Последнее утвердительное действие этой нации проявилось в 1914 году на Марне. Австрия была Великой державой со времен Карла V до 1900 года, хотя на протяжении девятнадцатого столетия она становилась всё меньше и меньше уверенной в себе. Лингвистическая форма Идеи нации в Западной культуре, которая доминировала в том столетии, ослабила австрийскую Идею до той точки, где последний независимый политический акт Австрии – ультиматум Сербии в июне 1914 года – продиктовала больше гордость, чем политика.

Политическая история Англии как нации тянется от Кромвеля до Джозефа Чемберлена. До Кромвеля в Англии не было никакой Мировой Идеи, и после Чемберлена никакая Идея больше не существовала, больше не могла существовать, ибо национальное исчезновение, как любое органическое явление, необратимо. Между 1600 и 1900 годами власть Англии увеличилась до такой степени, что в 1900 году ее флоты и армии контролировали 17/20 поверхности земли. В духовном отношении вся Западная Цивилизация – особенно после 1750 года – была англизированной.

*Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 328-353.

Системы мышления и действия девятнадцатого столетия были английскими: марксизм возник на основе английской капиталистической экономики; дарвинизм отражает английское индивидуалистическо-конкурентное мировоззрение; Материализм, Легализм, Капитализм, Социальная этика – все они имеют английское происхождение, и они были основами девятнадцатого столетия.

Англо-бурская война произошла в поворотный момент. Тогда, как писал англичанин Кристофер Сайкс, Англия внезапно стала самой ненавистной страной в Европе. Внезапно духовный центр тяжести сместился: дарвинизм уступил место Теории Мутации де Фриза, классовая война Маркса – органическому Государственному социализму Бисмарка, социальная этика – Политической Этике, философия сенсуализма – идеализму, невмешательство – вмешательству государ-

ства в экономику, Либерализм – предшественникам Пробуждения Власти, пацифизм – переутверждению военных добродетелей, и мечты о вечном мире были разрушены на глобальной арене Века Абсолютной Политики.

Это было концом интеллектуально-духовной Англизации Европы – но не Америки, поскольку у колоний есть свой собственный органический ритм, как показывает История Высокой Культуры, и все колонии неизбежно Культурно отстают. И это было началом новой Идеи Нации Запада: вся Культура сама составленная как Нация, то есть, как Империя.

Как нации, Германия и Италия были предопределены появлением нового века, а именно, Века Абсолютной Политики, чтобы быть задушенными прежде, чем они все же смогли пережить зрелую политическую фазу своего существования. В отличие от Франции, Испании, Австрии и Англии, однако, эти две страны внутренне живы, то есть, их Идея Нации, их Национальная Миссия, не выполнена.

Испания окончательно осуществила себя перед Веком Национализма, Франция и Австрия – во время того Века, Англия и Век Национализма развивались одновременно, а Германия и Италия должны осуществить себя после Века Национализма. Таким образом, эти две нации не будут окончательно осуществлять себя в националистической форме в старом значении этого слова. Они осуществят себя как хранители Судьбы всей Европы, и новая Идея Нации, Культуры как Нации, будет инструментом их выполнения.

Как политические единицы, конечно, Германия и Италия мертвы. Нет никакой возможности, что та или другая могла бы когда-либо вернуть себе свой суверенитет за исключением как часть суверенной Европы. Обе стоят в тени Америки и России, которая падает на всю Европу. Однако немецкие и итальянские народы обладают инстинктами, которые одни уже гарантируют им роль в Истории. Три великих инстинкта, на которых основывается вся власть: абсолютная воля к самосохранению, к производству потомства, и к увеличению власти. Первый и последний инстинкты непосредственно описывают надличные организмы, второй только косвенно через людей, которые составляют тело более высокого организма. Нация, которая приветствует иностранные войска, больше не пригодна жить – такая вещь рассматривается как невозможная абсолютным инстинктом самосохранения, который исключает подчинение любому другому организму, будь то «друг» или «враг». Нация, численность которой уменьшается, является умирающей: размер населения – результат Национальной Миссии. Нация, которая больше не борется за власть и владения, умирает, и фактиче-

ский отказ от власти – даже по вине изменников «черчиллей» – означает, что нация мертва, поскольку живая нация просто так не отдает свою власть.

Формирующая великую нацию Этика на этой стадии европейской истории – это прусско-немецкая Идея Этического Социализма. Только эта живая, бессловесная Идея может изгнать более сильные неевропейские державы, сформировать Европейскую Империю, и привести Запад к выполнению его Всемирной Миссии. Наполненные новой Этикой и свободные от национализма малых государств девятнадцатого столетия, европейские нации поднимутся из пропасти как единое целое, или они вообще никогда не поднимутся.

Германия – единственная выживающая нация Европы, которая содержит формирующие возможности, и таким образом, она стала идентична с Западом. Так как Судьба Европы – одновременно и судьба Империи, которая может принять только Авторитарную Социалистическую форму, Пруссия-Германия – это хранитель Судьбы всей Европы. Это органический факт, и он совершенно независим от человеческой логики или пожеланий. Судьба действует в том, что действительно существует, а не в том, существования чего желают раздраженные старики.

Это соотношение Германии с Европой было подтверждено Второй мировой войной. Пока война продолжалась, существовала власть, базируемая в Европе. В тот самый момент, когда европейская фаза войны закончилась, в Европе больше не было никакой власти, все решения власти делались в Вашингтоне и Москве или с их разрешения.

Немецкое сопротивление американско-российскому вторжению вовсе не было национализмом девятнадцатого столетия, так как целый Несущий Культуру слой в Европе принял участие в этой борьбе, и войска для сражений прибыли не только из немецкоязычных территорий, но также и добровольно из любой части Европы.

Слова, которые в девятнадцатом столетии описывали Идеи Нации, описывают в двадцатом столетии только географические области. Сегодня слова «немецкий», «испанский», «английский», «итальянский», «французский» описывают только языки и территории, но больше не народы, нации, политические единицы или надличные Идеи. Так как мистическая сила свойственна словам, когда они будут использоваться полемически, политика для Европейского Освобождения, которое достигло бы успеха, не будет использовать географические и лингвистические слова, такие как Англия, Франция, Италия, Испания, Герма-

ния, в политическом смысле, но будет использовать только одно слово «Европа».

Прогресс Истории разрушил старое значение этих слов, и динамическая политика нуждается в своей собственной терминологии. Сегодня националисты девятнадцатого столетия – это инструменты оккупационных сил, которые следуют старому принципу: «Разделяй и властвуй». Какой европеец посмел бы говорить открыто в защиту американской оккупации Европы? Какой европеец заявил бы, что он против органического Объединения Европы, против ее восстановления как суверенной единицы Культуры-Государства-Нации-Народа-Расы?

Используя старые названия национальности, можно сказать без парадоксального намерения, что в двадцатом столетии англичанин, итальянец, испанец – немец. В этом столетии не имеет большого значения, на каком языке европеец говорит, и в какой географической области он вырос. Важна только духовность, которая проникает в его внутреннюю жизнь. «Черчилли» и «Тойнби» Европы доказывают, что для американцев возможно родиться и вырасти в Европе. Пример Муссолини показывает, что нравственный пруссак может родиться и вырасти в Романье, и примеры Эзры Паунда, Уильяма Джойса, Роберта Беста, Дугласа Чендлера и других показывают, что европейцы могут родиться или вырасти в Америке.

В этом столетии идея вертикальной расы мертва. Мы можем теперь рассматривать расу только в горизонтальных понятиях – раса, которую каждый чувствует в себе, это всё, анатомико-географическая группа, откуда происходит каждый отдельный человек, не означает ничего.* На этой стадии нашего Культурного развития, принцип индивидуальности подтверждает себя, как он утвердился в самые ранние дни Готики. На протяжении Темных веков Материализма считалось, что наследственность и окружающая среда были всем; с ослаблением Материализма человеческая Душа возвращает себе свое прежнее достоинство. Все должны теперь открыто признать, что привитие потрепанного вздора вертикального понятия расы к великолепному европейскому Возрождению Власти, вызванному европейской Революцией 1933, было огромной трагедией – тем более из-за того, что сцепление этих двух идей никоим образом не было необходимо или даже логично.

В Классической Culture любой человек, который был нравственно равен Внутреннему Императиву Римской духовности, мог по праву сказать: «Civis Romanus sum». В этом наша Западная культура является несколько родственной Классической. Наш пробный камень товарищества и принадлежности духовно-этичен, не старый места рождения, черепного индекса, цвета глаз. В двадцатом

столетии, столетии избирательных сходств, материалистические тесты – чистая глупость.

Еще одно последнее слово об отношении Германии к Европе. Принятие немецкой формирующей этики Авторитарного Социализма всей Европой означает, конечно, автоматическое исчезновение Германии как малого государства. Англизация Европы в девятнадцатом столетии не означала Европеизации Англии, поскольку девятнадцатое столетие было веком мелкого национализма. Однако, с окончанием того века, этическая Германизация Европы – это одновременно Европеизация Германии. В Германии, как и повсюду, идея малых государств мертва. У Европы будет прусско-этическое Будущее, или не будет никакого будущего вообще. Или Авторитарный Социализм одержит свою победу и освободит Европу от его врагов, или в противном случае Европа надолго ослабнет до китайских условий. Или Европа объединится в этой Этической Идее, или она навсегда останется скоплением областей, за которые Внешние Силы будут вести свои грабительские войны.

Тест рациональности абсолютно недействителен в Истории; тест в этой области – это органическая возможность. Что касается Политики, то у Европы есть только одна органическая возможность, Империя, и только одна Этика, Авторитарный Социализм. Нации мертвы, потому что Европа родилась.**

*Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 273-316.

*Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 58 и следующие, 110 и следующие, 613 и следующие.

Какое имя будет носить эта могущественная Империя в Истории, на каком языке ее люди будут говорить, где будет ее столица – это второстепенные вопросы для нас в середине двадцатого столетия, и никто из живущих сегодня людей не ответит на них. Все, что имеет значение теперь, это то, что, если Европа не сформирует себя в неделимую национальную политическую единицу посредством своей Этики нациестроительства Авторитарного Социализма, то Европа 2050 года будет, по существу, такой же, которой она является в 1950 году, то есть, музеем, предназначенным для его разграбления варварами; исторической достопримечательностью для туристов из колоний; странным набором опереточных государств; резервуаром человеческого материала в распоряжении Вашингтона и Москвы; рынком ссуды для нью-йоркских финансистов; великой

колонией нищих, гнущихся и дерущихся за объедки перед американскими туристами.

Перед лицом ужасающего положения Европы между Второй и Третьей мировыми войнами, старые различия между остатками старых Идей Нации проваливаются в небытие. Каждый значимый человек в наши времена Ориентирован на историю, поскольку нельзя глубоко понять наши времена, их Внутренний Императив и Миссию, если каждый не задумается глубоко над значением афоризма Лейбница: «Le present est charge du phase et gros de l'avenir». В своей внутренней жизни Западный человек теперь не может стать на какую-то сторону в ушедшей в прошлое борьбе между Валленштейном и Густавом Адольфом, Оливаресом и Кортесом, Ришелье и Фрондой, Стюартами и Парламентом, Бурбонами и Габсбургами, церковью и государством, Англией и Испанией, Италией и Австрией. Сегодня более благородный европеец идентифицирует себя с обеими сторонами в этой колоссальной борьбе, со всей полнотой нашей драгоценной Западной Истории, потому что эта История – это его собственная духовная биография, написанная перед ним большими буквами. У него тоже были своя Готика, Реформация, Просвещение, и рационалистическо-революционная фаза – его юная религиозность и крестовые походы, его демократическо-либерально-коммунистическая фаза; и теперь, в его самой полной зрелости, в которую он вступил, духовно и материально, Век Абсолютной Политики, в котором борьба является планетарной и ее мотивы – Культурными. Это означает не малые государства и нации девятнадцатого века, но то, что только Культура-Государство-Нация-Империя может принять участие в этой борьбе.

Со всеми ее успехами и неудачами, со своими «недостатками» и блеском, наступлениями и отступлениями, Западная История описывает нас самих. Даже с Первой мировой войной мы все еще в состоянии испытать внутри себя то, что чувствовали обе стороны. Но со Второй мировой войной, более высокий тип европейца чувствует только одну сторону, потому что эта война в ее главном аспекте была войной Запада против Азии, и все люди Запада, которые, зная это, встали на сторону, выступавшую против Европейской Империи, были предателями Запада, внутренними врагами своей собственной Культуры. В 1914 году это была Англия против Германии, но в 1939 это уже было не так. К 1939 году Англия Уолпола и Норта, Каннинга и Гладстона, Китченера и Джозефа Чемберлена была мертва и похоронена. Заменой ее была «Англия» Идена и Черчилля, Купера и Гор-Белиши – даже не узнаваемая карикатура на юную Англию Независимых. Они вовсе не были дальновидными Строителями Империи с безошибочными вычислениями власти, а только ликвидаторами Империи, американскими агентами, зазывалами «отважной Красной армии». Своим врагом они называли европейскую Культуру, жизненно важной частью организма которой

является Англия – и с которой она всегда будет делить общую Судьбу. Любой английский государственный деятель старой традиции осознал бы рост событий в течение третьего десятилетия двадцатого столетия от европейского к глобальному масштабу. Но эти несчастные эпигоны с их безграничной ревностью и запутанными инстинктами закрыли глаза на это и продали английский Остров Вашингтонскому режиму ради небольшого количества псевдовласти и мимолетной славы самоубийственной «победы».

В этой исторической ориентации Западный человек более высокого типа, у которого одного только есть Культурные ценности и значение, рассматривает события, в которых Запад противостоял Внешним Силам абсолютно субъективно. Так он видит в Крестовых походах, например, только одну сторону вопроса – я говорю здесь не о каких-либо этических, религиозных, моральных, эстетических или других таких вопросах, конечно, но исключительно об органическом вопросе идентичности. Он за Карла XII против русских, за Англию против Индийского восстания, против зулусов, и против Китая во время Опиумной войны; за Тевтонцев против славян при Танненберге (Грюнвальдская битва 1410 года – прим. перев.); за Максимилиана против Хуареса; за американских колонистов в Аламо против Санта-Аны; за Наполеона против России; за Муссолини против негров Абиссинии; за Героя и его армию против России в 1941-1945. В этих событиях было просто делом случая, какая именно из Западных национальностей боролась с Варварами. Победа любой Западной нации над внешней военной силой, будь то китайцы, индусы, зулусы, мусульмане, была победой для всей Европы и ее колоний. Любой европеец, который злорадствует поражению какой-то Западной нации, клеймит себя как глупца с политической и Культурной точки зрения. Потому что какое различие Варвар делает между Западными нациями? Во время Второй мировой войны японцы называли немцев «дружественными врагами», а англичан – «враждебными врагами». Для евреев все люди Запада – «гои», для мусульман они – «гяуры» и «франки», и в Персии во время Первой мировой войны Вильгельму Васмусу было очень трудно объяснить племенным вождям, почему две «франкские» державы боролись друг с другом. Поэтому для европейца подчеркивание любых пустяковых различий между Западными нациями сегодня представляет собой глупость, если не измену.

Все же, вчерашняя Англофобия вернулась в этом стиле снова; Германофобия была преобразована Внешними Силами Вашингтона и Москвы в истинную религию ненависти для масс. В этом направлении находится синоизация (китаизация) Европы.

Изменническая пропаганда в Европе между Второй и Третьей мировыми войнами исходит от Внешних Врагов Европы. О распространении ее заботится Внутренний Враг Европы.

ВНУТРЕННИЙ ВРАГ ЕВРОПЫ

Внутренний враг более опасен, чем внешний, потому что, в то время как он, кажется, принадлежит к «своим», на самом деле он – своего рода иностранец.

Внутренний Враг Европы – это одновременно страта населения, мировоззрение, и Болезнь культуры. Страта Михеля – Внутренний Враг Европы, страта, которая совершает измену органически и инстинктивно. Ее мировоззрение – мировоззрение прошлого Века Национализма, Экономии, Демократии, Капитализма. Поскольку она смотрит назад и сопротивляется Императиву Будущего с патологической интенсивностью, эта страта – воплощение Болезни культуры, названной Культурным запаздыванием.*

Внутренний враг опасен в двух отношениях: во-первых, из-за его собственной деятельности, и, во-вторых, из-за его полезности для внешнего врага. Во время Второй мировой войны европейский Михель сознательно работал на поражение Европы и победу американско-российской коалиции. Примерами этого поведения были Черчилль и Эттли в Англии, Бадольо и Мауджери в Италии, Гальдер, Хассель и Гёрделер в Германии, коммунисты во Франции, Нидерландах, Испании и Скандинавии. Без этой органической, профессиональной измены со стороны европейского Михеля Внешние Силы, возможно, никогда не победили бы Европу. После войны американская оккупация Европы и разграбление Европы стали возможны только благодаря страте Михеля, которая продалась врагу, пошла ему на службу, чтобы установить вассальные правительства, режимы «черчиллей», в каждой провинции Европы. Во время этого периода между Второй и Третьей мировыми войнами Михель как американский агент более опасен, чем он был бы опасен в ином случае сам по себе. Причина этого в том, что прогресс Истории с девятнадцатого столетия сделал его мировоззрение абсолютно бесполезным для него, даже в целях саботажа, в то время как для американцев оно все еще полезно как средство контроля над Европой. Таким образом, Болезнь культуры Культурного запаздывания остается в теле Европы только из-за американской оккупации.

Если понимать «капитализм» не просто как экономическую методику, но, прежде всего, как духовно-этический принцип, то мы можем определить мировоззрение Михеля как Капитализм. В двадцатом столетии Капитализм внутренне

мертв, и в более широком смысле как Культурно-этическое мировоззрение, и как экономическая методика. Тот факт, что он мертв, становится очевидным каждый раз, когда его представители подходят к какой-то новой проблеме в мире фактов. Их решения однородно негибкие и в любом случае оказываются ошибочными, даже если проблема является просто экономической. После Второй мировой войны английское правительство, которое само назвало себя «социалистическим», решило «национализировать» железные дороги. Единственный возможный смысл для национализации железных дорог лежит в сокращении затрат для конечного потребителя, таким образом, предоставляя своего рода общую скидку. Но этот процесс закончился ростом вдвое всей платы за проезд и продолжением отдельной идентификации железнодорожных линий, вплоть до грани конкурирующей рекламы. Программа сохранялась только ради принципа национализации. Все другие схемы «национализации», которые произошли с этим капиталистическим, подстрекающим классовую борьбу марксистским режимом, закончились так же.

Особенно несчастная карьера капиталистической системы была продолжена всюду в Европе после Второй мировой войны, разумеется, из-за вмешательства, пришедшего из периферии Культуры. Не колеблясь, вашингтонский режим использовал ресурсы североамериканского континента, чтобы укрепить шатающуюся систему. Таким образом, только внеевропейская власть вашингтонского режима подчиняет Европу отрицательному мировоззрению и изношенной экономической системе капитализма. Европейское восстание против капитализма – это в силу самого факта восстание против Америки. Социалистическая Европа, основанная на принципе суверенного, органически ясно сформулированного государства, будет независимой Европой и хозяйкой своей собственной экономики. Эта экономика была бы установлена не по причинам классовой борьбы, и не с целью реализации каких-то жестких, абстрактных идей. Напротив, это была бы экономика, которая справляется с экономическими проблемами Европы в духе двадцатого столетия, и, действительно, единственным возможным способом их решения: государство как организм и его экономика как часть органического целого, от которого зависимы все частные и классовые интересы.

Перед Первой мировой войной европейская монополия власти, монополия торговли и техники, обеспечивала все необходимые рынки для продуктов Европы, и этими продуктами Европа платила за сырье и другие материалы, которые она заказывала из-за границы. Первая мировая война подорвала эту систему в том, что пока война длилась, она лишила заграничных потребителей европейских товаров, и тем самым дала им стимул, чтобы построить собственные фабрики. После войны капиталистическая международная экономика снова никогда не смогла решить свои проблемы, даже посредством обширного вмешательства

государства в форме защитных тарифов, и т.п. Это развитие было завершено Второй мировой войной. Старая система ушла в прошлое.

Единственное решение экономических проблем Европы состоит в самой интенсивной модернизации всего существующего имущества и в приобретении новых ресурсов для европейской экономики. Естественно, Америка настаивает на том, чтобы Европа сохраняла капиталистическую систему. Социалистическая Европа не нуждается в Америке, тогда как капиталистическая Европа – это колония нищих Америки.

В основном мировоззрении как американского населения, так и правящей экономической касты, мир – все еще объект грабежа. Америка интересуется не формированием и организацией мира, а созданием самых широких возможностей для финансово-экономического проникновения в другие страны. Это мотивирует Америку даже прибегать к военному завоеванию, чтобы уверенно достигнуть этой цели. И снова это мотивация девятнадцатого столетия, и ее разлагающее, патологическое возрождение в нашем Веке – признак Культурного запаздывания.*

Для финансового капиталиста военно-политическое мышление представляет собой просто инструмент, хотя оно, как может показаться, время от времени преобладает. Это – опасное оружие. Всегда есть возможность того, что политическому генералу могло бы понравиться управлять всем этим курятником. Политический генерал – кошмар для финансового капиталиста, и в этом кроется объяснение того низшего типа бизнесмена и глупых либералов, которые составляют американский генералитет. От всех офицеров с сильной волей и превосходящим интеллектом избавляются прежде, чем они достигнут звания генерала. И в 1941 году военные уставы были так пересмотрены, что автоматическое производство в чин генерала – которое было правилом в американской армии с ее возникновения в восемнадцатом веке – было отменено, и повышение до этого звания было сделано зависящим от «службы», то есть, от подобострастия к вашингтонскому режиму, или другими словами, от отсутствия любой серьезной воли и сильных инстинктов.

Подведя итог всему: Внутренний Враг Европы может быть описан тремя способами:

1. В отношении его Культурно-биологической ценности.
2. В отношении страты, которую он воплощает.
3. В отношении его концепции мира.

1. Внутренний Враг – носитель Запаздывания культуры.
2. Внутренний Враг – страта Михеля; ее лидеры – «черчилли».
3. Внутренний Враг – Капитализм, при этом это слово используется в его общем значении культурно-духовного-этического-экономического принципа.

Для контраста со сказанным выше, может быть аналогично кратко изложен истинный Европейский дух:

1. Он – здоровье культуры, то есть, реализация Внутреннего Императива, принимающего вызов Будущего.
2. Он является задачей Несущего Культуру слоя, самой высокой элиты населения, и эта страта насчитывает не больше, чем приблизительно 250 000 человек.
3. Он – великая Идея Империализма, мировоззрение, которое подходит для будущей Европейской Империи Культуры-Государства-Нации-Народа-Расы-Общества.

С целью демонстрации с предельной ясностью элементов этих двух мировоззрений в этот период Западной Истории между Второй и Третьей мировыми войнами, здесь прилагается парадигма:

Империализм

Вера

Первенство Духа

Идеализм

Жажда власти

Мир как объект организации

Ранг как социальное различие

Общество как организм

Исполнение долга

Капитализм

Рационализм

Материализм

Сенсуализм

Жажда богатства

Мир как объект грабежа

Богатство как социальное различие

Общество как скопление индивидуумов

«Погоня за счастьем»

Инстинкты подъема:

1. Абсолютное Западное самосохранение

Инстинкты упадка:

1. Уступки Внешнему Восстанию

2. Абсолютная воля к биологической плодовитости	2. Вырождение народа, контроль над рождаемостью, пуританизм, богемность
3. Абсолютная воля увеличить власть	3. Отказ от мировой гегемонии Запада
Иерархия	Равенство
Дисциплина	Свобода, этическое невмешательство (вседозволенность)
Власть	Парламентаризм
Надличный организм как <i>государство</i>	Надличный организм как <i>общество</i>
Аристократия	Плутократия
Общество как органическое единство	Классовая борьба
Сексуальная полярность	Феминизм
Европа как Империя	Принцип малых государств
Европа как Нация	Шовинизм
Европа как Родина	Мелкий национализм
Порядок	Свобода
Стабильность	Постоянное движение, экономические циклы
Ответственность, вся общественная власть осуществляется и управляется открыто	Безответственность, анонимность, власть общественная власть в руках частных лиц, финансовых капиталистов, профсоюзных диктаторов
Возрождение Власти	Коммунизм, Демократия, Либерализм
Идеал Рыцарства, вера в себя	Разделение Слова и Дела, систематическое лицемерие
Уважение к политическому врагу	Замена уважения ненавистью, «процессы военных преступников», идеалы как замена Чести на поле битвы
Культивирование воинских достоинств	Куль буржуазных достоинств, высмеивание воинских достоинств
Эротизм как законный источник радости плодovitости	Эротизм как грех, культ аморальности, всеобщее распространение тайной и незаконной проституции, Эротика без последствий
Утверждение Войны и Завоевания	Пацифизм, подготовка цветного населения к «самоуправлению», «право на самоопределение»

Отдельный статус Культурно чуждых	Равенство с Культурно чуждыми, «плавильный котел»
Западный Человек как индивидуальное существо, полностью отличающееся от примитивных незападных людей	Руссо: Человек как Дикарь Дарвин: Человек как Животное Маркс: Человек как экономическое существо Фрейд: Человек как сексуальное существо
Западный Человек на службе Великой Миссии: выполнение Европейской Культуры	Наука как религия: Человек как Машина, способная к безграничному существованию, «Победа над болезнью», и т.д.
Искусство, практикуемое в соответствии с Культурной задачей	«Искусство для искусства»
Военно-политическая экспансия	Финансово-военно-экономическая экспансия

Из поверхностного взгляда на список примеров очевидно, что правящие силы Западывания культуры используют идеи и инстинкты Империализма всякий раз и всюду, когда и где они считают это необходимым и возможным. Например, они подчиняют Искусство Политике. Они построили новую, перевернутую иерархию, в которой американец и Михель – патриции, а истинный европеец – плебей. Они проповедуют «демократию», безжалостно навязывая свою волю массам и оказывая давление на них на так называемых выборах; они отрицают правильность Идеи Завоевания, оккупируя Европу своими войсками и вынуждая ее народы брать на себя тяжелое политическое, военное и экономическое бремя в интересах внеевропейских держав, и так далее.

Это – Век Абсолютной Политики, и всякий, кто действует в этом Веке, действует в его духе, знает ли он это или нет, желает ли он этого или нет. Если он размышляет, использует ценности, которые противоречат его установившимся политическим ценностям и целям, то он или безнадежно глуп, или преследует какую-то другую цель, чем выполнение Судьбы Европы – формирование Западной Империи в духе Этического Социализма. Здесь есть два проекта: первым является проект европейского Михеля, который стремится только к своим собственным преимуществам («черчилли») или выгоде своего класса (финансово-капиталистический класс; пролетарские пользовладельцы ограбления тела Европы). Второй проект – проект Культурного постороннего, полного иностранца, который в своей безграничной злобе направляет политическую волю к уничтожению против Запада, кто отрицает его Внутренний Императив, кто задушил бы его Судьбу и отклонил бы его от Будущего. Географически, он может действовать извне Западной культуры, или внутри, в форме Искажения Культуры. В

каждом случае именно его духовность окончательно решает вопрос, и Искажающий Культуру – один из Внешних Врагов Европы.

ВНЕШНИЕ ВРАГИ ЕВРОПЫ

Когда это слово используется в Политике, у слова «враг» есть значение, абсолютно отличающееся от того значения, которое оно имеет, когда используется в отношении Культуры или частной жизни. В частной жизни мы называем нашим врагом того, кто желает нам зла. При применении к мировой политике это определение бессмысленно, поскольку ни одно государство не желает кому-то зла в любом частном смысле. Это верно даже в тех случаях, в которых политическая единица мотивируется просто отрицательным желанием, и выражает это политически. Потому что мир формы Политики сам обуславливает всю политическую деятельность и преобразовывает все свое содержание в деятельность власти. Однако Политика редко сама дает себе свою собственную мотивацию – ее нужно искать в другой сфере.

Мотивация глобальной борьбы за власть в нашем Веке Абсолютной Политики содержится в Культуре. На планете есть только одна Высокая Культура в процессе выполнения, Западная Культура, и как духовный фронт, она, естественно, принимает следующую форму: Запад против Внешнего Восстания. Духовная мотивация политики всех внешних сил вообще это воля к уничтожению Западной Культуры. В борьбе за власть между Европой и любой внешней силой каждый соперник будет, однако, бороться за власть, которая означает контроль над другим. Мотивация соперников станет очевидной только после решения власти в борьбе. Таким образом, очевидно, что у Запада нет желания уничтожить народы, территории, ресурсы, и низшие культуры внешних сил, тогда как эти внешние силы наиболее решительно хотят уничтожить народы, ландшафт, ресурсы, и Высокую Культуру Европы, как это продемонстрировала русско-американская оккупация Европы после Второй мировой войны.

В чисто духовном смысле, следовательно, у Европы есть только один «враг», Внешнее Восстание против Мировой Гегемонии Запада. Из этого большого, фундаментального факта мы знаем, что Внешнее Восстание будет давать Европе политических врагов, пока длится Век Абсолютной Политики. Европейская победа в борьбе за планету не уничтожит Внешнее Восстание как духовный фронт; она просто помешает ему снова подняться до уровня политической интенсивности.

В настоящее время этот духовный фронт разделен на две политические единицы: Россия и Америка-Еврейство (America-Jewry). В культурном отношении это аномально, что Америка и один из внешних врагов Европы являются взаимозависимыми, поскольку Америка по своему происхождению и своей судьбе принадлежит к Западной культуре. Но все равно ее нужно теперь причислить к врагам Европы, потому что и с этической, и с политической точки зрения Америка находится во власти Культурно чуждой еврейской общности Церкви-Государства-Нации-Общества-Расы. То, как возникло это доминирование, представляет меньше интереса для Европы, чем сам факт доминирования. Объективные события всемирной истории с 1933 года показывают, что не было ни одного примера, когда Америка проводила бы американскую националистическую политику, но она всегда проводила только политику исключительно в интересах еврейской общности.

Чтобы более ясно представить метаполитические факты этого периода между Второй и Третьей мировыми войнами, каждый из Внешних Врагов Европы должен быть исследован отдельно.

Америка является и всегда должна быть колонией Западной культуры. Колониальная духовность определяет судьбу колоний. Так это было с каждой предыдущей Культурой. Когда на Родной почве (в метрополии – прим. перев.) «родительская» культура вымирает, колонии всюду погибают. Потоки населения могут продолжаться в примитивной форме; ландшафты, конечно, остаются, но они являются пустынными и тиранствуют над людьми, которые только вчера доминировали над ними; здания могут все еще стоять, но их символика больше не понятна. Колония связана мистической связью, как будто духовной пуповиной, с родительским организмом. Эта связь столь же необъяснимая и столь же реальная, как та, которая связывает Культуру с почвой, на которой она родилась. Колония, таким образом, разделяет общую историю с родительским организмом, и ее жизнь отражает – с естественным и органическим запаздыванием – развитие Культуры. В случае Америки это запаздывание вообще соответствует продолжительности жизни одного поколения. Это отставание не то же самое, что Запаздывание культуры, поскольку оно является естественным и неизбежным. Но это опоздание полезно Культурно паразитной группе, которая теперь умудряется препятствовать тому, чтобы американская колония отразила развитие своего родительского организма. Это патологическое намерение недостижимо, конечно, но любое такое отклонение от здоровья культуры должно оказать на хозяина огромное воздействие прежде, чем паразит будет изгнан.

Еврейская общность это Культурный мир формы своего собственного рода, и поэтому она никогда не может быть ассимилирована Западной Культурой.*

* Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 376 и следующие.

Так как эта общность оказывается на Западе – в географическом понимании – и так как она должна стремиться к своей политической реализации, она обязательно влияет на Западную политику в направлении своих собственных интересов. Хотя она иностранного происхождения, она не должна казаться чуждой; ее политика должна рассматриваться так, как будто это была законная политика, а не иностранная политика, которой она была на самом деле. Западная идеология восемнадцатого и девятнадцатого веков превосходно подходила для политических потребностей еврейской общности, но с кончиной той идеологии и рождением Века Абсолютной Политики предпосылки для успешной политической деятельности еврейской общности на европейской почве полностью исчезли. Вымышленные конструкции «Liberté, Egalité, Fraternité» («Свобода, равенство, братство») полностью вымерли в Европе; следовательно, политическая история евреев, как квазичленов Западных наций, также закончилась. Даже в этом случае колониальное опоздание в Культурном развитии и болезнь Культурного запаздывания позволяет евреям сохранить свое неоспоримое доминирование над американским народом.

В этот период истории Америка и евреи формируют Симбиоз. Голова этого организма – еврейская общность, тело – Америка.

Проблема продолжительности существования этого Симбиоза имеет только второстепенную важность для Европы. Никто не предсказал Французской революции в отношении ее времени или ее формы. Никто не предсказал Русскую Революцию 1917, или Европейскую Революцию 1933, или Американские Революции 1775 и 1933. Никто ни в каком случае не сможет предсказать время или форму Третьей Революции в Америке, которая отберет власть у еврейской общности и передаст власть в руки новой американской правящей страты.* Эта Революция – органическая возможность – в действительности даже нечто большее: это – органическое Неизбежное. Но так как время ее вспышки – все еще Непредсказуемое, то возможность такой Революции не может играть роль в формировании политики Европы, поскольку политика не может быть основана на Непредсказуемом, хотя она должна быть достаточно гибкой, чтобы адаптироваться, когда она появляется из сферы Непредвиденного. Когда Революция начнется, она принесет Америке новое понимание европейской политики и переоценку значения Европы.

* Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 549 и следующие.

Симбиоз Америки и Еврейства в этот момент истории между Второй и Третьей мировыми войнами является решающим не только для Америки, но также и для евреев. На протяжении столетий своего «рассеяния» еврейство никогда не достигало положения абсолютного суверена над судьбой Западных народов, среди которых жили евреи. Но теперь оно дошло до этого положения, и евреи в политических целях отождествили себя с Америкой перед всем миром. Когда Еврейство стало повелителем Америки, оно потеряло самое важное из своих других владений и баз. До еврейской гегемонии в Америке высший уровень еврейской власти был в большевистской России. В 1945 году поверхностный наблюдатель мог бы получить впечатление, что полная политическая власть над планетой постепенно собиралась в одну политическую единицу. Это действительно было целью еврейского руководства, и средством создания «мирового правительства» должна была стать возрожденная «Лига Наций».

Как было уже показано в ИМПЕРИИ,* всемирное государство – это органическая невозможность, и логическая невозможность тоже. Государство – политический термин, и политическая власть возникает из полярности. Государство, таким образом, это единица в противопоставлении. Хотя в теории у всемирного государства не было бы оппозиции, но если бы такое государство было основано, то оно очень скоро расколосось бы на две или больше политических единиц. Эти единицы развивались бы в соответствии с региональными, культурными, классовыми или экономическими линиями – даже в соответствии с линиями, продиктованными доминирующей политической фигурой. Игнорируя конкретный пример провала, предоставленный «Лигой Наций» после Первой мировой войны, еврейско-американский Симбиоз попытался через свою «Организацию Объединенных Наций» создать монополию власти для себя.

Существовало одно большое препятствие: Россия. Была надежда, это даже считалось само собой разумеющимся, что Россия достаточно долго останется под контролем еврейства, чтобы сотрудничать в этом плане и, вместе с Америкой, формально отдать свой юридический суверенитет «Организации Объединенных Наций». Но подъем американско-еврейского Симбиоза подорвал положение фрагмента еврейской «диаспоры» в России. Пока евреи действовали одни, они были политически эффективны в России. Всемирное отождествление евреев с Америкой пробудило русский национализм, так что в итоге Культурно чуждая

еврейская общность Церкви-Государства-Нации-Общества-Расы потеряла свой статус как участника, если можно так выразиться, российской национальной структуры и была заново классифицирована как иностранный элемент, таким образом, полностью утрачивая свою политическую эффективность в России.

* Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 166 и далее; 170 и далее.

Как мы видели, единственный большой духовно-культурный «враг», который есть у Европы, это Внешнее Восстание, восстание против Запада, великое «Нет» к Западной Всемирной Миссии, и этот духовно-культурный фронт разделен на две политические единицы, из которых Россия является второй. Между Первой и Второй мировыми войнами Россия, как общепризнано, была лидером Внешнего Восстания, но в Русско-японской войне 1904-1906 дело обстояло как раз наоборот. Тогда Россия действовала как Западная держава против Внешнего Восстания, которое возглавлялась Японией как единственной суверенной державой вне Западной культуры. Между Первой и Второй мировой войнами произошла Большевицкая Революция 1917 года.

Большевицкая Революция была больше, чем политической; она была Культурной. Власть была передана от западных элементов в церкви, государстве, армии, аристократии и интеллигенции группе, опирающейся на инстинктивно нигилистическую страту русских крестьянских масс. Прimitивную Русскую Душу, неуверенную в самой себе, Романовы и сильные нашествия немецкой культуры в Россию заставили подчиниться вестернизации. Вследствие этого в России возникло ужасное напряжение полярности между этими двумя Душами, Западной и прото-Русской. Роман Достоевского «Бесы» изображает, как этот нигилизм бурлил под поверхностью. Именно эта подпольная Россия, возглавляемая еврейской общностью, в 1917 году порвала с Западом. К 1923 году гражданские войны закончились, и Западная культура была временно изгнана из России. Сообщество судьбы с Азией и с ее восстанием против Запада, а не с Европой, мир формы которой она только что удалила из российской почвы, более близко отвечало ожиданиям новой России.

Русская Душа слишком сильна, чтобы ее когда-либо могло задушить что-то иностранное. Следовательно, еврейская общность, несмотря на доминирующее положение, которого она достигла с Революцией 1917 года, была неспособна под-

держивать свое безусловное правление. Высылка Троцкого в 1928 году отметила поворотный момент для упадка евреев в России.

И все же большевистская Революция не устранила полярную напряженность внутри Русской Души. И пока Русская Душа, хаотическая и полная тоски, вдохновляемая сильной волей, и все же слабой решимостью, существует внутри сферы влияния Западного организма, который ощущает свою Всемирную Миссию, в России остается сильное стремление к воссоединению с Западом. Европейская Революция 1933 года нашла эхо в России, и когда европейские армии вошли на большевистскую территорию в 1941 году, их там всюду радостно встречали как «освободителей». Маршал Власов (так у автора, Андрей Андреевич Власов был в РККА генерал-лейтенантом – прим. перев.) мог бы собрать миллионные армии и соединить их с европейскими вооруженными силами, но, к сожалению, Европейское Командование не воспользовалось такой помощью, пока не было уже слишком поздно.

Действительно существует возможность, что второй чудовищный бунт – с прозападной Культурной целью – свергнет большевистский режим. Эта возможность могла бы быть реализована или через новое Западное вторжение, или через появление нового Петра Великого. Это – еще одно Непредсказуемое. Но сегодня Европа должна рассматривать Россию как часть Внешнего Восстания против ее Всемирной Миссии.

Так как есть только две политические власти в мире, мировая ситуация может принять только форму подготовки к войне между ними: Америка-Еврейство против России.

Если понимать Большевизм как стремление разрушить Западную культуру, то эти две внеевропейские силы формируют анти-Культурное Междуцарствие в Западной Истории, Концерт Большевизма. Обе силы являются бесформенными и личными; ни одна не является выражением надличной Души, более высокой Судьбы, органически необходимого Императива для Всемирной Миссии. Внешние Силы, безотносительно степени, в которой в их распоряжении есть Западная техника, безотносительно Западных обычаев, которые они практикуют, безотносительно поверхностного показа литературных связей с Западом, который они делают, должны фактически быть классифицированы в одной и той же категории с бесформенными силами Тамерлана и Чингисхана, Сунь Ятсена и Кемаля Ататюрка, Лобенгулы и Махди. Европа – все еще носитель Мировой идеи, великой Мировой гипотезы; у нее все еще есть внутренняя потребность смотреть на мир своим особым способом, Этика, через которую она ведет себя особым способом и восстанавливает это особым способом. По единственной,

всеохватывающей причине этого полного различия между Европой, с одной стороны, и бесформенными внеевропейскими силами, с другой, у Европы не может быть, по сути, никакого интереса к запланированной Третьей мировой войне внутри Концерта Большеви́зма как такового. И при этом не имело бы никакого значения, вспыхнет ли такая война в 1960 или 1975 году.

Однако Европа политически связана с запланированной Третьей мировой войной, и она должна использовать любую возможность в дипломатических приготовлениях к той войне, чтобы подтолкнуть свое Освобождение. Европа должна вспомнить свою Судьбу и свою Всемирную Миссию. Она должна оценить различия между этими двумя силами в Концерте Большеви́зма, и адаптироваться так, чтобы она могла извлечь пользу от их изменяющейся удачи в будущих событиях. Европа должна сформировать свою политику.

Политика Европы

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРАГА

Как мы видели, у слова «враг» есть разное значение, когда оно применяется к Культуре, частной жизни, Политике. В Культурном смысле у Европы есть только один «враг», и этот враг – Внешнее Восстание против Всемирной Миссии Запада. Это Внешнее Восстание охватывает все примитивное население, даже в тех случаях, когда они географически живут в рамках Западной культуры, как в Северной Америке и Южной Америке, и включает все феллахское население, теперь населяющее области, где Высокие Культуры когда-то осуществили себя, например, мусульманское, индуистское и китайское население. Аналогично оно охватывает население, на территориях которого Высокая Культура никогда не существовала, например, варварские русские и монголы, дикари Африки, Юго-Восточной Азии и Тихоокеанских островов. Еврейская общность происходит из Культуры Магов и всегда будет принадлежать ей духовно, из той Культуры Магов, которая за время своего живого существования дала начало арабам, персам, несторианам, парсам и другим народам. Хотя некоторые из этих общностей, возможно, потеряли отдельных людей в пользу Запада, иностранные единицы не могут ассимилироваться Западом в своей полноте. Надличные факты с обеих сторон воспрещают это. Это органическая невозможность. Всемирный Культурный фронт против Запада разделен на две политические единицы, Россию и Америку-Еврейство, и слово «враг» используется совсем по-другому в Политике.

Политика означает так проживать жизнь, что ее возможности исчерпаны. В ходе событий Политика разделяет свой мир на политических друзей и политических врагов. До того, как Политика предпринимает это разделение, все внешние единицы – потенциальные враги, и задача Политики состоит в том, чтобы выбрать одну или более единиц как врагов, и затем, если возможно, привлечь на свою сторону другие единицы как друзей.

Выбор врага – самое важное решение во всей сфере деятельности, именуемой Политикой. Могущественная Английская Империя, которая доминировала над миром больше столетия, рухнула из-за своей простой, но серьезной ошибки выбора неправильного врага во время двух мировых войн. Вся искусная вспомогательная дипломатия, все военные усилия, и сама военная победа не смогли предотвратить исчезновение самой большой Империи в истории и разрушение собственного суверенитета Англии. Английскую родину даже не пощадило окончательное оскорбление оккупацией иностранными войсками, и, больше того, эти войска прибыли из ее бывшей колонии.

Формулирование политики является тайной, и это доказано тем же самым примером: Несмотря на крах и исчезновение Английской Империи, несмотря на падение самой Англии до статуса «непотопляемого авианосца» для иностранных военно-воздушных сил, замедляющая Культуру страта и широкие массы были успешно убеждены иностранной пропагандой в том, что великая «победа» была так или иначе одержана для Англии.

Политические грубые ошибки могут быть сделаны на двух уровнях: на высшем уровне, где враг определен, и друзья могут быть приобретены, или на самом низком, где осуществляется политика, основывающаяся на этом. Ошибка слова, в строгом смысле, может использоваться в Политике только по отношению к будущему. Таким образом, нужно упрекнуть Англию за то, что она выбрала Германию в качестве своего врага во Второй мировой войне, когда было очевидно, что ее выбор был ошибкой. Великий фон Мольтке определил стратегию как «искусство совершать меньше ошибок, чем противник». Это определение может быть аналогично применено к Политике. Если оглядываться назад, то Жизнь соткана из ошибок. Никто не может предвидеть Будущее.

Политика конкретна; она – искусство возможного, не желательного, не морали, не того, что достойно стремления. Политика – это искусство, и она является самым великим из всех искусств, так как ее материал – человеческая жизнь, и ее завершенная работа – это расцвет надличной Судьбы. Когда произведение искусства создано посредственным мастером, имитатором, формалистом, то результатом оказывается пример плохой работы. Обязательный дар политика –

дар видения; за ним следует искусность в политической деятельности. Без предшествующего видения вся судьбоносная работа сводится к нулю.

Государственный деятель больше всего приближается к дару видения, когда он знает о своей собственной силе воли и о силе воле своего народа, и чувствует течения власти политического мира. Устойчивая приверженность обоим из этих основных принципов сохранит его от влекущих серьезные последствия ошибок выбора неправильного врага. Это эквивалентно ведению войны против самого себя. Во время Второй мировой войны Англия пожертвовала и остатками своей Империи, и своей собственной независимостью в пользу Америки и России. Но все еще есть люди, которые отрицали бы этот факт, но положительны только факты, а не склеротические мнения полуслепых маразматиков.

Политический Гений – превосходный художник, и поэтому он свободен от всей отрицательности в своих творениях. В свою задачу он не привносит ненависть, злонамеренность, зависть, не добавляет к ней воли к разрушению, которая не служит его воле к власти и воле к созданию. Он неспособен проводить политику, которая в основном ориентирована «анти-», например, политика, лозунг которой звучит «Выиграть войну!» как ее «военная цель». У таких лозунгов может быть определенная пропагандистская ценность для политики политического Гения, но только бесстыдно наполненный ненавистью реакционер вроде Черчилля делает политику из своей ненависти и утверждает, что «победа» за счет самоуничтожения – это что-то, к чему стоит стремиться. Естественно, политический Гений убирает со своего пути все силы, выступающие против него, насколько он может; но эту тактику «анти-» он использует ради увеличения своей власти, не из ревности, предубеждения, ненависти или простой неприязни.

Проблема выбора врага является для Европы сегодня, то есть, для Несущего Культуру слоя, той же самой, какой она была бы для нас, если бы Европа представляла собой настоящую политическую единицу. Сегодня Европа – это территория и Люди. Если она проводит правильную политику, завтра она станет властью – на основании одного только своего Внутреннего Императива, который проистекает из невыполненной Судьбы Западной Цивилизации. Тот факт, что у Европы есть Всемирная Миссия, гарантирует то, что она будет играть роль в будущих веках. Будет ли эта роль активной или просто пассивной, станет очевидно в наши десятилетия, и это будет определено политикой европейского Несущего Культуру слоя.

Выбор врага не произволен: Мы можем определить какую-то политическую единицу как врага, только если, во-первых, мы можем победить эту единицу, и,

во-вторых, если победа над нею принесет нам увеличение власти. Ясно, что в этот Второй Межвоенный период Европа не может военным путем победить какую-либо державу, потому что нет и не может быть европейской военной силы, пока сама Европа не является суверенным государством. Ни одну военную силу прямо или косвенно под командованием Вашингтонского режима нельзя назвать «европейскими войсками». Национальная принадлежность армии – это национальная принадлежность ее политического руководства, а не ее рядовых или ее офицерского корпуса. При этих обстоятельствах Европа вынуждена завоевать власть духовно-интеллектуальными средствами. Она должна извлечь власть от одной или обеих из Внешних Сил, от России и Америки-Еврейства. Та из этих двух единиц, из которой Европа может получить истинную политическую власть, то есть, неограниченный контроль над своей собственной землей и людьми, и является политическим врагом. Нельзя подчеркнуть в достаточной мере то, что определение врага не влечет за собой, с европейской точки зрения, никаких суждений об особенно плохих этических, моральных, эстетических или культурных качествах врага. В культурном, эстетическом, нравственном, этическом смысле нет никакого выбора между Россией и Америкой-Еврейством. Все же, с политической точки зрения, Европа вынуждена различать их, из-за своей органической потребности, чтобы претворить свой Внутренний Императив в действие. Для Европы было бы невозможно играть пассивную роль в Истории, даже если бы она этого желала, или если бы было более мудро поступать так. Пока Жизнь движется вперед, не может быть никакой остановки.

Определение Врага – это проблема, которая должна быть решена в полной исторической системе взглядов нашей Эпохи. Поэтому нужно рассмотреть течения власти этого столетия, проблемы власти, происходящие оттуда, и относительную опасность для Европы.

ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ ВТОРОГО МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Вследствие неправильной формы первых двух мировых войн и присутствия Блестящей культуры в Западной Цивилизации проблемы власти в этот период между Второй и Третьей мировыми войнами – те же самые, с которыми столкнулась Европа в первой половине этого столетия, но теперь усиленные до максимально возможной степени.

В 1914 году проблемами власти были следующие: как сохранить мировую гегемонию Европы и как сделать возможным преобразование Европы из скопления малых государств с готовым мировоззрением националистическо-капиталистического парламентаризма в непоколебимую форму Европы для два-

дцатого столетия, то есть, в Авторитарную Социалистическую структуру Культуры-Нации-Народа-Расы, Империю Запада. Форма Первой мировой войны, сформированная такими Замедлителями культуры как Грей, предотвратила естественное, органическое решение этой проблемы власти.

Между Первой и Второй мировыми войнами были сделаны важные шаги внутри Европы для органического решения второй проблемы, перехода фазы двадцатого столетия европейского организма в мир действительности. Едва что-либо было сделано для решения первой проблемы, вследствие сомнительной мировой ситуации тогда, хотя Итало-абиссинская война действительно принесла Европе общее увеличение власти.

Но это органическое движение вперед было остановлено вмешательством Америки-Еврейства во внутриевропейские дела, и, как мы видели, это вмешательство, в той же самой стерильной форме, как и в Первой мировой войне, привело к трагедии Второй мировой войны. Приблизительно в 1939 году проблемы власти состояли в восстановлении мировой гегемонии, которая была почти полностью разрушена Первой мировой войной, и в завершении наполовину реализованной Империи Европы. Вторая мировая война, развязанная внеевропейской, незападной силой Америки-Еврейства и «черчиллей» Франции и Англии, еще раз помешала органическому решению этих двух проблем.

В результате Второй мировой войны можно заметить, что проблемы власти, по существу, те же самые две проблемы. Только их порядок очередности изменился, так, что теперь первой проблемой является Освобождение Европы от внеевропейского правления, потому что всей Европой управляют из иностранных столиц; и вторая проблема – это выполнение Всемирной Миссии Европы, то есть, завоевание ею мировой гегемонии и учреждение ею Мировой Империи.

Каждая проблема власти содержит разделение на распределение духовных источников энергии, с одной стороны, и распределение признанной власти и ее атрибутов, с другой. Духовный источник энергии – владение Всемирной Миссией, призвание, могущественный, положительный Внутренний Императив, и формирующая нацию этика – найдены сконцентрированными почти полностью в Европе. Духовные ресурсы, которые существуют вне Европы, в России, в Америке-Еврействе, и в Японии, являются просто отражением европейских ресурсов – Европейская Воля, которая вдохновляется там Европой. В действительности Внешние Силы стремятся реализовать Всемирную Миссию Европы, даже при том, что у них нет Внутреннего Императива к этому. Их мотивация абсолютно отрицательна. Так объясняется то обстоятельство, что огромная концентрация власти в режимах Вашингтона и Москвы не принесла никакого Порядка миру,

что оба режима увековечивают Хаос, перенесенный в двадцатый век из девятнадцатого века. Только Европа может вернуть этому хаотическому миру Принцип Порядка.

АМЕРИКАНСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ ВЛАСТИ

Американское накопление власти можно назвать «империей» только в слишком общем, переносном смысле. В рамках Симбиоза Америка-Еврейство ни еврейская общность, ни зависимый американский элемент не мыслят в понятиях Американского Империализма. Так американский глава государства определенно объявил населению, что никакие люди на земле не были ни в каком смысле подчиненными вассалами Америки, что «защита» Америкой других народов не давала ей права требовать взаимности от них, и, кроме того, что Америка вовсе не будет «доминировать» над другими народами. Особое значение в этом имеет то, что является антиимпериалистической идеологией, не тот факт, что все эти принципы полностью игнорируются в политическом поведении Америки-Еврейства. Намерение здесь состоит в том, чтобы предотвратить подъем Американского Империалистического мышления, потому что оно противоречило бы антинационалистической политике доминирующей части Симбиоза. Но если бы Империалистическое убеждение внутри американского народа имело глубокую, обязательную силу, и было беременно Будущим, то оно не могло бы быть подавлено, и то накопление власти, которым в настоящее время управляет Вашингтонский режим, было бы организовано в американскую Империю.

Однако истинная Американская Империя, которая иерархически организована и управляется политически, никогда не будет существовать, так как она не принадлежит к формообразующим возможностям американского характера. Но нация не может возникнуть по воле случая – народ, да, может – но нация проистекает из Высокой Культуры.* Хотя Америка никогда не может принадлежать никакой другой Культуре, кроме Западной, в американской жизни Западная культура является только внешней «облицовкой», видимостью. Ее внутреннее влияние на американское население было слишком небольшим, например, чтобы предотвратить вторжение Культурно чуждых единиц. Нет никакой Американской Идеи, никакой американской нации, никакой американской правящей страты – трех способов выразить ту же самую вещь. Безусловно, есть американский народ, участники которого действительно характеризуются индивидуальным империализмом, который является инстинктивным, расовым, экономическим. Но этот индивидуальный империализм никогда не может подняться к политическим высотам. Истинный Американский Народ – это единица, основанная на матриархате. По своему собственному выбору он ведет подобную кокону

жизнь внутри закрытой системы. Душа этого Народа слишком ориентируется на женский полюс существования, и поэтому он лелеет мир, комфорт, безопасность, короче говоря, ценности жизни отдельного человека. Война, завоевание, риск, авантюры, создание формы и порядка в мире – они не интересуют американский народ. Строительство империи требует жертв; все же для того, чтобы жертвовать, а не быть только убитыми, которых принесли в жертву, должна быть Идея.

Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 328 и следующие, стр. 334 и следующие, стр. 398 и следующие.

Американское накопление власти возникло без жертв из-за случайного вмешательства Америки в два решающих момента в международных делах. Во время Первой мировой войны единственной целью войны Америки – согласно публичным и частным высказываниям всех ведущих американцев, которые выступали за вступление в ту войну – состояла в том, чтобы победить «немецкую тиранию». Как было показано в анализе Политики в ИМПЕРИИ, «цель войны», сформулированная как нанести поражение произвольно выбранному врагу, означает не иметь вообще никакой цели войны. Таким образом, у Америки не было никакой политической цели в той войне. Роль, которую Англия играла во вступлении Америки в войну, здесь не важна. Важен только запас идей, которые были использованы, чтобы привести американский народ в движение. Во время Второй мировой войны внутренняя пропаганда Америки была исключительно аполитична. Снова главной «целью войны» было «победить Германию», и единственной попыткой показать положительную «цель войны» был ряд отрицательных предложений – все они отражали женские ценности матриархата – избавить мир от голода, страха, и т.д. Психологическая ориентация американского народа не позволяет американским правительствам в мирное время ясно выразить потребность в войне. В военное время обязательно говорить только о «мире». «Победа», как предполагается, приносит только «мир», а не расширение власти. Прежде всего, цель победы – это не Американская Империя. После исчезновения Федералистской партии в 1828 году ни одна политическая группировка в Америке публично не выступала за создание Американской Империи. Средний тип партийного политика гарантирует, однако, что любой общественный человек защищал бы политический империализм, если бы эта идея была популярна.

Американское накопление власти в этой эпохе между Второй и Третьей мировыми войнами возникло без жертв. Если бы для этого были необходимы жертвы, тогда это накопление власти не возникло бы.*

До 1914 года Америка управляла только маленькой частью поверхности мира: Североамериканским Континентом, Центральной Америкой южнее Мексики, небольшими районами на севере Южной Америки.

* Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 472 и следующие, стр. 482 и следующие.

Даже Карибское море нельзя было бы назвать американским, так как европейские базы были там многочисленны, и американский флот уступал по численности более чем одному европейскому флоту. Во время Первой мировой войны 10 000 000 мужчин потеряли свои жизни на поле битвы. Из этой полной суммы дань Америки составляла 120 000 человек; за эти небольшие потери Америка приобрела новые территории и базы, получила достаточную власть для себя в море, чтобы иметь 1/5 поверхности земли под своим контролем: Северную Америку, всю Центральную Америку, включая Мексику, все Карибское море, большую часть Южной Америки, и половину Тихого океана. После войны, в соответствии с женско-матриархальной ориентацией американского народа, большая часть этих приобретений власти была оставлена – это произошло через Вашингтонское морское соглашение 1921 года, по которому Америка обязалась затопить половину своего флота, не требуя аналогичных действий от Англии или Японии. Все же факт остается: Америка приобрела область власти, которая была в четыре раза больше, чем ее первоначальная, с незначительными потерями в 120 000 человек.

К 1939 году Америка получила контроль, наравне с постоянным уменьшением власти Англии, над 1/5 земной поверхности. В конце Второй мировой войны Америка управляла 18/20 земной поверхности. Это самое большое накопление власти за всю историю Высоких культур. Общее количество погибших у всех участвовавших в войне государств насчитывало приблизительно 15 миллионов. Доля Америки в этих потерях составила 250 000 человек. Затем во Второй мировой войне Америка приобрела контроль над больше половиной мира, и при этом ей не понадобилось пролить такое количество крови, которое стоило бы упоминания в связи с такой операцией.

Но даже такие беспрецедентные политические успехи не наполняют душу американского народа удовлетворением. Америка, как Народ, органически является и навсегда останется изоляционистской. Изоляционизм – единственная американская особенность, которую можно назвать «национализмом». Американская душа вообще не восхищается этой мировой мощью. Она не находит в ней причин для гордости. Когда в 1947 году вашингтонский режим спокойно передал России Китай, то есть, центр четверти власти Америки в мире, американцы этого даже не заметили. Дипломатического посредника в этой передаче публично почитали и наградили медалями. Спустя всего несколько лет после войны корабли были взяты у американского флота и переданы Японии в большом количестве, чтобы послужить основой для создания нового японского флота. Ни один американский националист не выступил против этого, поскольку в Америке нет никаких националистов, только преследуемые изоляционисты.

Это странное явление, и История будет иметь дело с этим, как и с очень многими другими переходными парадоксами, что между Второй и Третьей мировыми войнами американские войска были размещены по всему периметру политического мира, то есть, северо-восточного сектора планеты, и это широкое распространение американских вооруженных сил не вызвало никакого национального ликования у американцев. Причина этого в том, что американцы ориентируются в первую очередь на экономику. Мужской Принцип должен реализовывать более высокие идеи через искусство, войну, Политику. Ничто не могло быть более далеким от американского идеала, чем это. Женский Принцип состоит в том, чтобы лелеять и сохранять жизнь – что и является американским идеалом. Американцы поэтому не восхищаются «империей», которая непрерывно претендует на их благосостояние и постоянно требует снижения их уровня жизни. В своей традиционной изоляции Америка не нуждалась в армиях, гарнизонах, в дотациях зарубежным странам и в Больших войнах. Поверхностная политизация Америки нанесла американскому народу экономические раны, и таким образом укрепила его в своей изоляции.

Американские списки погибших и пострадавших во время первых двух мировых войн, какими бы небольшими они ни были в численном отношении, нанесли американскому народу удар в его чувствительное место. Ни одна мать не радуется смерти своих детей, и матриархат составляет суть американской души. Американцы не любят своих побед, тогда как смерти они подсчитывают с сильным огорчением. Задолго до американского вмешательства в каждую из этих двух мировых войн уже было фактическое состояние войны между Америкой и европейскими или азиатскими воюющими сторонами. В каждом случае обладание многочисленными «союзниками» давало американцам определенное утешение. Во Второй мировой войне были опубликованы длинные списки американ-

ских союзников, и они считались эффективной пропагандой даже при том, что немногие из «союзников» были все еще факторами силы или даже существовали. Действительно с помощью альтернативы: война сейчас с союзниками, или война позже, но в одиночку, Америку можно заставить вступить в войну. Старая европейская поговорка: «Viel' Feind, viel' Ehr» («Больше врагов – больше чести») не находит резонанса в матриархальной Америке.

Эта американская черта характера – то Весомое, что Европа должна принять во внимание при формировании своей политики. В американском уме (и аналогично в политических решениях Культурно чуждого вашингтонского режима), Европа – это базис любого плана войны против России. Это Весомое могло бы использоваться Европой одним или другим из двух путей, как будет показано ниже. Кроме того, Несущий Культуру слой Европы должен иметь в виду, что в это время не имеет значения, может ли Америка как Народ вернуть свою независимость и суверенитет, или же она останется просто инструментальной частью Симбиоза Америка-Еврейство. В политическом отношении Америка и Еврейство стали единым целым; не важно, как называется эта единица.

Нам остается сравнить и оценить с политической точки зрения психологию двух внеевропейских сил, Америки-Еврейства и России.

КОНЦЕРТ БОЛЬШЕВИЗМА

Ни Россия, ни Америка-Еврейство не принадлежат Западной Цивилизации, хотя Америка, если рассматривать ее абстрактно и как саму по себе, как это было перед Революцией 1933, все еще является европейским колониальным народом.

Следовательно, нет никакого Культурного «казус-белли» в будущей Третьей мировой войне между этими двумя силами. Они обе принадлежат Внешнему Восстанию против мирового превосходства Запада, и собирательным термином для этого восстания, которое, разрушая и отрицая, обращается против творческого подтверждения Западной Судьбы, является Большеви́зм. Внутри Концерта Большеви́зма есть, конечно, как различия, так и общие черты. И то, и другое нужно оценить.

У обеих мировых держав правящая идеология приходит из прошлого Западного мировоззрения. Американская идеология «свободы», «равенства» и легализма происходит из Европы восемнадцатого века, как и лежащая за ней основная философия материализма. Русская идеология марксизма приходит из английского Капитализма девятнадцатого столетия, к которому марксизм служит при-

ложением. В России рассматривают марксизм как религию, потому что главная особенность русской души – это ее религиозность. Независимо от того, что именно эта душа воспринимает всерьез, даже если это абсурдный конечный продукт Западного материализма – рефлексология Павлова, научная психология – она воспринимает это религиозным способом, то есть, каким-то способом трансцендентного действия. В русской жизни нигде нет ничего, что в каком-то виде соответствует марксистской схеме. Русская душа политически еще незрелая, и Россия продолжает использовать марксизм в качестве политического товара на экспорт, даже при том, что рынка для этого товара больше не существует, так как Первая мировая война навсегда похоронила мир формы девятнадцатого столетия. Америка-Еврейство, которое является так же плохо подходящим к новому веку, экспортирует в Европу банальную идеологию Монтеスキё, Константа, Милля, Бентама, и надеется, что на этой основе оно может повернуть Судьбу Европы на два столетия назад.

В Америке, с другой стороны, марксизм не теория, а факт. В сфере фактов марксизм означает классовую борьбу. Америка – это классическая страна финансового капитализма и профсоюзов, двух организованных групп, которые систематически разграбляют народное хозяйство. Не только Маркс, но и все теоретики девятнадцатого века были одержимы экономическими доктринами – Мальтус, Дарвин, Милль, Спенсер, Шоу. Американская жизнь по существу ориентирована на экономику, и каждый аспект Жизни для оправдания своего существования просто ссылается на экономику.

Женско-матриархальная жизнь является рутинной; следовательно, американская жизнь рутинная и технизированная. Книги инструктируют население «Как приобретать друзей», как следует вести общественную жизнь, семейную жизнь, сексуальную жизнь. Все же эта «униформизация» жизни не воспринимается как обременительная или позорная – американское население полностью пассивно и чувствует себя вполне уютно в этой атмосфере детского сада. Социальные инстинкты преобладают над индивидуальными инстинктами, и каждого американского ребенка с его самых ранних дней учат тому, что сущность ведения успешной жизни состоит в «обхождении с людьми». Нет никакого другого способа реализовать этот идеал, кроме как отказаться от индивидуальности. Это объясняет трудности воспаменения любого вида политической оппозиции в Америке. Как только политика обеспечивает себе надежную точку опоры и становится популярной, она становится правильной и уважаемой. Радикальная или постоянная критика невозможна в Америке; термин «индивидуалист» является почти оскорблением. Искоренение сильной индивидуальности устраняет подъем истинной элиты, аристократии, правящей страты, поскольку они всегда основаны на сильной индивидуальности и чувстве уникальности. Все

чувства превосходства, более высокого чувства собственного достоинства, уникальности изгоняют из американца с помощью воспитания, пока он все еще находится в детском саду. Это оставляет у него такое впечатление, что его существование, его проблемы точно походят на проблемы всех других людей.

Элементарное требование Жизни, однако, состоит в том, что каждая группа обладает стратифицированной социальной артикуляцией. «Элита» Америки в экономических, технических, индустриальных, социальных целях – это бизнес-класс, те тридцать тысяч технико-организаторских мозгов, которые позволяют американской жизни функционировать. В политическом отношении эта «элита» – еврейская общность, которая обладает монополией власти во всех вопросах, но является особенно заметной в управлении внешней политикой. У технико-организаторской касты нет никакого чувства исполнения миссии; она не расценивает саму себя как превосходящую по своей природе, но только как более опытную в интеллектуально-технических вопросах. Этот тип социально-технического дифференцирования напоминает тот, который существует среди общественных насекомых, например, у пчел и муравьев.

* Ср. ИМПЕРИЯ, стр. 502 и следующие, стр. 524 и следующие.

Русская жизнь является по своей сути варварской. Варвара нужно отличать не только от Культурных людей, но и от дикарей, примитивных, феллахов, и также от декадентов. Варвар – слово, полное обещаний, поскольку варвар внутренне находится в движении. Германские племена, которые захватили Имперский Рим, были варварами, и из этого германского племени вышли, много столетий спустя, люди, которые создали Западную культуру. Варвар – докультурная форма человечества, отличающаяся как от феллаха, конечного продукта Культуры, так и от дикаря, человекообразного типа, который вообще не имеет никакого отношения к Высокой Культуре. Варвар обладает сильной волей, но он все же нерешителен. Он с готовностью может принять новые доктрины – об этом свидетельствует русское «обращение» в марксизм – но такое обращение должно быть поверхностным, поскольку простое пустословие не может отменить различие между Человеком культуры и варваром. Варвар груб и жесток, не особо сообразительный, полон хитрости, и, конечно, он не легалистический и не интеллектуализированный. Он – противоположность декадентов. Он безжалостен и не боится разрушить то, что другие могут ценить чрезвычайно высоко.

Идеология Америки – материалистический эгалитаризм восемнадцатого века и капитализм девятнадцатого века – и идеология России – пролетарский капитализм девятнадцатого столетия – оба пропитаны духом их соответствующего населения. Американская идеология пропитана смесью негритянско-еврейско-азиатско-индейско-европейских элементов, измененной особенностями ландшафта, российская идеология – смесью элементов кочевых племен Азии, которые наполнены огромной безликостью азиатских степей.

Культурный человек вне Сферы культуры рискует утратить свою Культурную ориентацию – то, что британская гражданская администрация в Индии обычно называла «стать отрицательным». Во время экспансии американского населения на обширных равнинах американский колонист утратил почти всякий контакт с Западной традицией и Западными процессами, и его Западная культура растворилась. Только в одной части Америки имела место успешная трансплантация Западной культуры, на Юге, но она была разрушена, в любом практическом отношении, победой Янки в Гражданской войне 1861-1865. Когда американец потерял свою Западную культуру, шаг за шагом, он стал примитивным. Если бы он боролся с Культурно чуждым миром, например, с китайцами или индусами, он мог бы восстановить свою Культурную ориентацию в самой полной мере, поскольку конфликт с Чужим усиливает Свое. Но он боролся просто с дикарями и, еще чаще, с самим ландшафтом, с трудностями Природы. Во внутренней борьбе между Культурой и Ландшафтом, Ландшафт в значительной степени стал победителем. Поскольку комфорт – один из главных идеалов американца, его жизненный стимул находит выражение, прежде всего, в области техники. Не сдерживаемый традициями, политическими или социальными соображениями, он влюбился в абсолютное техническое развитие, и – в технике – он сделал себя самым передовым среди Западных Колоний. Таким образом, в результате его столетия безгосударственной экспансии американец, с одной стороны, уступил примитивности своего обширного и пустого континента. В то же время он в результате концентрации, ставшей возможной для него ввиду отсутствия борьбы за власть, с другой стороны, сделал себя в некотором отношении выше европейцев. Последствием этого стала еще одна характерная особенность.

Одновременное присутствие в американце примитивности и сверхцивилизации сформировали его отношение к Европе в нездоровом виде. Из-за своих сильных технических способностей он стал оценивать Европу как низшую; из-за своей примитивности он был не в состоянии постичь Культурный Императив Европы в двадцатом столетии. Ввиду этого он не оказал сопротивления, когда Искажающий культуру режим навязал Америке идею, что она должна была учить Европу.

Эта идея могла быть внушена тем легче, что Америка по своей природе женско-матриархальна и приписывает большую ценность систематическому образованию. В Америке самоучка не найдет ни политического, ни академического, ни профессионального или социального признания. Эта особенность американского характера была ухудшена элементом искажения Культуры, и американские школы и университеты были превращены в схоластические фабрики, которые производят однородные единицы биологической активности. Они уничтожили человеческую индивидуальность, насколько это вообще может быть достигнуто в человеке. Все ценности, переданные через это «образование», такие как комфорт, безопасность, и социальная однородность, можно было бы найти просто на животном уровне в человеке. Ни одна из них не обращается к определенно человеческому уровню, который воплощен в самом высоком потенциале уникальным и индивидуализированным человеком, с его более высокими ценностями.

Если американец – это Культурный человек, ставший снова примитивным на одной стороне его существа, и сверхцивилизованным на другой, так как он целиком и полностью вдохновляется идеалами мира, комфорта, и безопасности, то русский – варвар, и все еще совершенно примитивный. Столетия «петринизма» (официального российского западничества со времен реформ Петра I) никогда не затрагивали глубинную Россию. Независимо от того, что она фигурировала как таковая в течение многих столетий, Россия никогда не становилась страной Запада. Америка – подлинная Западная колония, тем не менее, конечно, теперь ее нужно причислить к частям Внешнего Восстания.

Ориентация на технику характерна для обоих: Америка является технической инстинктивно; Россия стала таковой по принуждению ее вождей, у которых есть только военно-политические причины для принятия техники. В области философии единственным вкладом Америки в западное интеллектуальное наследие был Прагматизм – учение о том, что Истина – это то, «что работает». Другими словами, Истина – функция не Души, а Природы. Прагматизм – это одновременно примитивная и сверхцивилизованная философия, примитивная, потому что ее позиция по отношению к Истине лишена более высокой культуры; сверхцивилизованная, потому что она делает всю Истину просто свойством Техники. Выражаясь в понятиях американской психологии: «Истинно то, что обеспечивает мне больше безопасности, больше комфорта». В Америке одержимость техникой – выражение и содержание жизни населения. Она инстинктивна, и Америка, естественно, стремится экспортировать ее в любые страны, которые завоевали ее армии и эскадрильи бомбардировщиков. В России, с другой стороны, навязчивая идея техники просто служит политическим и военным целям, и она навязана русскому населению только через аппарат политической диктатуры.

Русский познает вещи преимущественно религиозным способом; отсюда невероятное зрелище его поклонения машине.

Россия демонстрирует ту же самую манию образования, что и Америка: По словам Луначарского: «Образование, распространенное по марксистским принципам, может сделать даже самого посредственного жителя Востока интеллигентом». Здесь снова есть общий знаменатель с Америкой. Там также «интеллект» расценивается как что-то, что может быть приобретено, и, кроме того, как единственное различие между людьми. И Россия, и Америка считают, что Внешнее формирует и обуславливает ум. И обе делают полный упор на окружающую среду и опыт, и категорически отрицают Дух и Душу. И для обеих коллективный человек является идеалом и преобладающим типом. В обеих, естественно, существует самая большая нетерпимость ко всему, кроме массового идеала.

В России повальное увлечение однородностью, включая образовательную манию, аналогично навязано сверху, чтобы выполнить политическую программу. Подчеркивание силы окружающей среды, обожание рефлексологии, идолизация машин, статистики и процентов, и экономических теорий вообще – все это в России является просто техникой, и все это по своей сущности отрицательно. Русская варварская крестьянская душа – религиозный фермент, и, как таковая, она ненавидит экономические теории, машины, науку и национализм. Программа московского большевизма предоставляет средства для подавления гипериндивидуальности людей типа Пугачевых, Аксаковых, Кропоткиных, Нечаевых, Достоевских, Распутиных и скопцов. Прежде всего, московский большевизм – это метод для того, чтобы политизировать религиозно-варварскую Россию. То, что московский режим использует марксизм как товар на экспорт – просто политический идиотизм, и постоянно существует возможность того, что он однажды откажется от этого из-за его неэффективности.

Для Европы важно следующее различие: американско-еврейский Большевизм – это инстинктивное разрушение Запада через примитивные, анти-Культурные идеи – мир, комфорт, безопасность, отмену индивидуальности – через сверхтехнизацию, с помощью навязывания Искажения культуры и Запаздывания культуры. Русский Большевизм стремится добиться разрушения Запада в духе панславянской религиозности, то есть, Русификации всего человечества.

Таким образом, американско-еврейский Большевизм представляет реальную духовную угрозу Европе. В каждом своем аспекте американско-еврейский Большевизм бьет в слабое место в европейском организме. Даже в Европе существует страта, страта Михеля, внутренняя Америка, которая вдохновляется чисто животным американским идеалом мира, комфортом, безопасностью, отме-

ной индивидуальности. Даже в Европе есть элемент, который хотел бы заменить культуру машиной. Даже Европе могут быть навязаны режимы Замедления культуры, в случае необходимости американскими штыками. Даже в Европе присутствует Искажение культуры: диктатура над Европой самого американско-еврейского Симбиоза. И даже в Европе, посреди Века Абсолютной Политики, существует тип Катона: Вы можете видеть, как он бормочет, с затуманенными глазами, о демократических идеалах, в то время как Варвар и Извратитель захватывают священную почву Запада. Европейский Катон двадцатого столетия охотнее увидел бы разрушенный Запад, чем выбросил бы, наконец, мусор демократических идеалов на свалку истории, где лежит труп

Демократии, воняющий и гниющий после полувека распада.

Русский Большевизм – просто варварство, и поэтому не находит резонанса нигде в Европе. Даже у самой низкой духовной страты Европы, внутреннего предателя, страты Михеля, нет вообще ничего общего с панславизмом варварских потоков населения. Русская религиозность была временно и, с Культурной точки зрения, ложно возвышена до политической интенсивности как отражение большого Западного духовного развития, Возрождения Власти, происхождения Идеи Империи. Без Западной культуры не было бы такой структуры как Россия, только совершающие грабительские набеги племена конных варваров, как казаки в «Тарасе Бульбе».

Поэтому русский Большевизм менее опасен для Европы, чем американско-еврейский Большевизм, ибо ни один аспект его угрозы не соответствует слабому месту в духовной броне Европы. У Европы фактически есть внутренняя Америка, страта Михеля; однако, у Европы нет никакой внутренней России. Очевидно, так называемые коммунистические партии никоим образом не представляют собой надежные инструменты, с помощью которых российская оккупация Европы могла бы быть построена. На самом деле работа этих коммунистических партий уже сделана. Они были полезными инструментами внешней политики раннего Большевизма, особенно в период 1933-1939. Во время Второй мировой войны они помогли сохранить существование России как политической единицы; после войны они помогли создать российское накопление власти, простирающееся от Ганновера до Гонконга, самое большое непрерывное накопление власти в мировой истории. Все же, сегодня, между Второй и Третьей мировыми войнами, все коммунистические партии, включая американскую, политически ничтожны.

Коммунистические партии Запада – просто единицы классовой борьбы, не носители варварства и русского панславянского национализма. В двадцатом столе-

тии все вынуждены мыслить понятиями фактов, а не просто слов, если дело касается Политики, а связь России с Западной классовой войной основывается просто на словах. Россия утверждает, что является носителем классовой войны – на Западе. Однако во время Второй мировой войны московский режим запретил американской коммунистической партии участвовать в классовой войне. Фактически вся политика использования марксизма как политического товара на экспорт является теперь политической глупостью, поскольку марксизм потерял свою былую ценность возбуждения толп на Западе. Апогей классовой борьбы на Западе миновал.

В частности, это была переориентация российской мировой политики после Второй мировой войны, обращение против еврейской общности Церкви-Государства-Нации-Народа-Расы, которое предопределило гибель каждой коммунистической партии на Западе, включая американскую.

Удар, который американско-еврейский Симбиоз нанес европейскому организму, хорошо известен. Ценности этого Симбиоза – чисто животные, анти-Духовные, анти-Аристократические, анти-Культурные, анти-Героические, анти-Империалистические, и поэтому призывают к наихудшему элементу в европейском населении и к наихудшему в каждом отдельном европейце. В каждой точке своего нападения Америка-Еврейство противопоставляет ценности Капитализма ценностям Империализма, героическому мировоззрению Века Абсолютной Политики. С помощью духовно-этических ценностей Капитализма Америка-Еврейство планирует убить Западный организм. Но так как Прошлое никогда не может уничтожить Будущее, а только попытаться помешать ему, это означает американские штыки, навязывающие анти-Культурное Междуцарствие Европе, и в этом кроется возможность, которая для Европы последует за многими десятилетиями деградации, хаоса, темноты, осмеяния, страдания и увядания.

Воздействие, которое русская оккупация Европы оказала бы на Западную культуру, еще не одинаково хорошо известно, и может быть определено только путем раскрытия его органической основы.

Русский – варвар; европеец – Культурный человек в своей поздней фазе цивилизации. До этого момента в Истории варвары с яростным насилием вторгались в культурные области. В шестнадцатом столетии до нашей эры северные варвары вторглись в окаменевшую египетскую культуру, чтобы начать ту главу истории, которую называют эрой «гиксосов». Приблизительно в 1700 году до нашей эры касситы завоевали и оккупировали вавилонскую культурную область, и в то же самое время арийцы в варварской волне с Севера затопили и завоевали Культуру Инда. Китайская история в ее первых побуждениях – эпопея варвар-

ского вторжения Чжоу. В Имперский Рим – и даже в республиканский Рим – не раз вторгались варвары: германцы и галлы. Ни в одном из этих исторических случаев вторжение варваров не разрушило тело Культуры; в каждом случае результатом было, в конечном счете, поглощение варварских элементов в Тело культуры или их изгнание. Варвар приходит, чтобы разрушать, и остается, чтобы учиться. В духовном отношении варвар – «чистая доска». Неустойчивый и похожий на ребенка, он стремится применить новые доктрины, новые формы жизни, в которые он был обращен. Поэтому Петербург при династии Романовых в восемнадцатом и девятнадцатом веках демонстрировал более высокую степень Западного Политеса и социальной формы, чем любая европейская столица до него.

Представление, что русско-варварская оккупация всей Европы была бы подобна русской оккупации половины Германии после Второй мировой войны, является абсолютно ложной оценкой возможностей. Русская оккупация всей Европы повлекла бы за собой совсем другое распределение сил и абсолютно иную психологическую ситуацию. Во-первых, русская оккупация после Второй мировой войны произошла как подарок из Америки. Циничным образом граница Европы против Азии, которая постепенно отодвигалась назад в течение тысячелетия, вернулась на то место, которое она занимала 900 лет назад. Таким образом, история, честь и традиции тридцати поколений европейцев подверглись грубому поруганию. Злодеяния, совершенные в первые годы русской оккупации, были позволены, поощрялись Америкой, и даже вызвали подражания с ее стороны. Без американской поддержки Россия не смогла бы совершить свои злодеяния. Во-вторых, Европа с политической точки зрения не могла вмешаться, чтобы защитить 30 000 000 европейцев, поскольку каждой европейской страной управляли режимы «черчиллей», которых назначили американцы. И эти марионеточные правительства приветствовали варварскую Россию как своего «отважного союзника», пока их члены обменивались орденами и медалями с представителями московского режима.

Оккупация Россией небольшой части Европы и ее доминирование над одной десятой частью европейского населения после Второй мировой войны были сделаны возможными только вашингтонским режимом, который в 1945 году хотел разделить Европу так, чтобы Красный Флаг развевался над Берлином и Венной. Если бы вашингтонский режим, вместо того, чтобы дать России просто небольшую часть Европы, оставил бы ему всю Европу – и это возможность, которая содержалась в будущих событиях – разделение сил было бы абсолютно другим. Вместо Америки-Еврейства, вся Россия, Восточная Европа, и большая часть Западной Европы – под режимами «черчиллей» – выстроились бы против части Германии, затем против 200 000 000 русских, выстроилось бы полное те-

ло Запада, 250 000 000 мужчин, которые превосходят их интеллектом, техническими навыками, организационным талантом, и волей к власти. Если это произойдет, то Америка будет удалена из Европы, раз и навсегда. У Европы будет только единственный враг. Это стало бы фактором объединения, таким, которого не существовало от Первого Крестового похода до Лепанто.

Российская оккупация развивалась бы в соответствии с одним или другим из двух направлений. Первая возможность – бесконечная серия европейских восстаний против России, которая могла привести только к изгнанию деморализованных варваров. Вторая возможность последовала бы из введения Россией умного режима и предоставления Европе обширной автономии и великодушного обращения. В течение нескольких десятилетий эта Европа, естественно, стремилась бы пропитать горизонтально все российское исходное местонахождение, его техническую, экономическую, социальную, и, наконец, военную и политическую жизнь. Вместо Русификации Европы, вроде той, о которой мечтали Достоевский и Аксаков, совершится еще раз Европеизация России, и на сей раз в намного более сильной степени. Это произошло бы из чистой исторической необходимости, так как эта эпоха – Век Абсолютной Политики, и Европа политически проницательна, тогда как варварская Россия является бесформенной и политически неспособной, колеблясь между бессмысленной страстностью и внутренними сомнениями. Даже самые блистательные государственные деятели в России не смогли бы использовать этот варварский материал, чтобы поработить Европу на этой Империалистической стадии ее Судьбы. Попытка России мирно включить Европу в свое накопление власти, в конечном счете, привела бы к возникновению нового Симбиоза: Европа-Россия. Его окончательной формой была бы форма Европейской Империи. Попытка России карать и терроризировать Европу без помощи Америки привела бы к изгнанию России из Европы навсегда, и это осуществили бы собственные бездействующие ныне варварские инстинкты Европы, которые были бы тем самым снова пробуждены.

Если бы Россия оккупировала Европу и попыталась подражать американской политике поощрения принципа малых государств, чтобы разделять и властвовать, то она потерпела бы полный провал. Америка добилась успеха в такой политике только из-за ее доступа к европейской страте Михеля с ее подхалимствующими «черчиллями». Михель страстно желает американского капитализма и либерализма, но с жалкой трусостью дрожит перед русским варварством. Коммунистические партии не принесли бы России большую пользу при любой попытке установить марионеточные правительства по образцу режимов Черчилля Америки. Руководство и члены этих коммунистических партий состоят из низших европейских типов, не из панславянских или религиозных русских националистов.

Варвар, незрелый и несведущий в тонкости искусства Политики, доверяет только тем, кто имеет ту же религию, что и он сам, а истинная религия русского – не марксизм, а Россия. Первыми жертвами российской оккупации Европы стали бы европейские коммунисты, которые были бы ликвидированы при малейшем подозрении в нелояльности. Их «Коммунизм» происходит из книг, их пророссийские чувства – из ненависти и зависти к их европейской среде, их утопическая ортодоксальность о России приходит из нехватки реализма и преувеличенного интеллектуализма. Русский кнут и русский револьвер быстро научили бы их тому, что они не могли узнать из своих книг, разрушили бы их утопические идеалы и придали бы их ненависти новое направление.

Воздействие России на принцип малых государств и на мелкий национализм никоим образом не напоминало бы успешное увековечивание Америкой этих патологических в культурном отношении явлений. Чтобы осуществлять свою политику в Европе, Америка нуждается в малых государствах. Она не только действует в духе принципа «Разделяй и властвуй», но она также не может мыслить вне узкой структуры этого. После Второй мировой войны вашингтонский режим, который обладал неограниченной властью, чтобы навязать свою волю ослабленной Европе, объявил о своей политике «объединенной Европы». Это затем перешло к «балканизации» Европы в политическом отношении, и к раздроблению ее в социальном отношении беспрецедентным способом. Многочисленные конгрессы беззубых и инфантильных стариков из девятнадцатого столетия принимали еще более многочисленные резолюции, но результатом были продолжившиеся отсутствие единства и хаос.

Наивные маразматика получили позволение Вашингтона болтать об «объединении» Европы столько, сколько им нравилось, но им не позволили сказать ни слова об Освобождении Европы. Именно поэтому все эти конгрессы ни к чему не привели. Потому что Объединение Европы и Освобождение Европы – это один и тот же процесс: если смотреть изнутри, то это Объединение; если извне – освобождение.

Тот факт, что Россия использовала пустые выдумки о «независимых» государствах во время послевоенной оккупации Восточной Европы, не дает критерия для ее политики в том случае, если она оккупирует Западную Европу, Европу, которая синонимична с Западной культурой. В любом случае, просто одно присутствие варвара, не говоря уже о его политике, устранило бы Внутреннего Врага Европы, страту Михеля – и таким образом освободило бы все творческие силы внутри Европы от тирании Прошлого.

Без Михеля, без его лидеров, а именно «черчиллей», без американских штыков, распределение сил было бы следующим: Европейская воля к власти и Европейская Судьба против чисто военной мощи варварской орды. Распад страты Михеля автоматически разрушил бы принцип малых государств, потому что идеалы и теории малых государств сохранены только в Задерживающих культуру мозгах. Варвар, желал ли он это или нет, доведет до конца духовное объединение Европы, устраняя единственное внутреннее европейское препятствие на пути этого единства. От Духовного до Политического всего лишь один шаг.

Следующее было бы результатами двух возможных видов российской политики, дальновидной политики стремления объединить Европу в огромную Российскую империю, охватывающую целый мир, и политики попытки управлять Европой с помощью террора и насилия.

Если Россия стремится к длительному объединению Европы в свою Империю, ей это могло бы удалиться только в том случае, если она предоставит Европе существенные уступки. Первой из них должна была бы быть административная автономия для Европы как единицы, поскольку это желание всех европейцев – исключая, конечно, страту Михеля и ее лидеров, старческих «черчиллей».

Если же Россия попыталась бы терроризировать Европу, то это вызвало бы далее у европейцев желание ответного террора. Столкнувшись с варваром, все европейцы, даже самые наивные либералы, осознали бы потребность внутренней твердости, строгой воли, достоинства Приказа и Повиновения, потому что только они одни могли бы заставить варвара принять требования, или, в противном случае, вынудить его отступить в свои тундры и степи. Все европейцы поняли бы, что не парламентский лепет, классовая борьба, капитализм и выборы, но только Власть, Воля к власти, и, наконец, военный дух могли бы когда-либо изгнать варвара. Изгнание английской армии из 40 000 солдат несколькими сотнями ирландских партизанских бойцов в 1916-1923 годах было бы повторено в более крупном масштабе. Во время большой, неумолимой Войны за Освобождение Европа объединила бы себя, и отбросила бы варвара назад в отдаленные равнины Азии.

Сделаем вывод: Между этими двумя силами в Концерте Большевиизма, который доминирует в этом Втором Межвоенном периоде, есть многочисленные общие черты, одни из них глубокие, другие поверхностные. Ни одна из этих двух сил не является организмом с положительной Миссией; ни одна из двух не показывает внутренние качества, которые одни лишь могут найти и сохранить всемирную систему; ни одна из них не имеет и не может иметь аристократию. Короче говоря, ни одна из них не является местонахождением Высокой Культуры. В

обоих элемент Ландшафта преобладает над культурным компонентом в каждой страте человеческого материала; обе используют устарелую Западную идеологию, которая абсолютно неэффективна в мировой ситуации Века Абсолютной Политики; у обоих нет даже самого слабого понимания Идеи Империи, необходимое осуществление которой является полным историческим значением этого Века. Обе эти силы верят в то, что возможно достигнуть статического мироустройства, в котором История прекратила бы свое существование, и эта вера делает обоих опасно непреклонными; и обе они верят, что Европа может быть разрушена как Культурно-политическая единица, и унижена до уровня Китая.

Таким образом, с европейской точки зрения, в Культурном смысле нет никакого выбора между этими двумя силами, поскольку обе они представляют фундаментальные противоположности европейским Культурным императивам.

В их политическом отношении к Европе, однако, эти две внеевропейские силы широко и существенно отличаются. Вследствие присутствия европейской внутренней Америки вашингтонский режим в состоянии установить или поддерживать в каждой европейской стране: искажение культуры, принцип малых государств, финансовый капитализм, демократию, экономическое бедствие и хаос. Независимо от своих намерений Россия вызывает духовное отвращение всюду в Европе. Если бы Америка, сознательно или нет, оставила бы России всю Европу, то российская оккупация должна была бы основываться либо на терроре, либо на крупномасштабных уступках, чтобы обеспечить сотрудничество. Обе оккупационные политики закончились бы доминированием Европы над Россией, или посредством мирного внутреннего завоевания или посредством серии Освободительных войн, которые Европа как единое целое вела бы против России. Варварская Россия может только пробудить более строгие инстинкты Европы. Американско-еврейский Симбиоз, состоящий из феллахов-евреев и американских колонистов, которые одновременно примитивные и сверхцивилизованные, обращается к самой низкой страте Европы и к самой низкой страте в каждом европейце, страте животных инстинктов, лени, трусости, жадности, позора и этического индивидуализма.

Америка может только разделить Европу, независимо от того, какой будет ее политика.

Россия может только объединить Европу, независимо от того, какой будет ее политика.

Из сравнения их отношений к Европе вполне ясно следует, что русско-варварское доминирование над всей Европой, если бы оно было вызвано аме-

риканской политикой – а это единственный способ, из-за которого такое событие могло бы иметь место – было бы менее вредно для Судьбы Европы, чем продолжение американско-еврейского доминирования, так как варвар, самим своим присутствием, устранил Внутреннего Врага Европы, страту Михеля, и объединит Европу духовно.

Это приводит нас к конкретному вопросу политических решений для Европы. Политический вопрос был бы: Как может быть увеличена власть? Но так как у Европы нет никакой власти, то вопрос нужно сформулировать иначе: Как можно получить власть? В мире есть только две политические единицы; следовательно, вопрос прост: У какой политической единицы Европа может отобрать себе власть? Или, другими словами: Кто Враг?

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВРАГ ЕВРОПЫ

Перемирие, которое завершило Вторую мировую войну, оставило Европу разделенной между Россией и Америкой-Еврейством. Россия забрала десять процентов населения Европы, Америка-Еврейство получили девяносто процентов. Под Европой здесь, конечно, понимается Культурная Европа, то есть, Германия, Франция, Англия, Италия, Испания, вместе с крошечными областями вроде Швейцарии, а не географическая «Европа», которая в историческом отношении является ничего не стоящим понятием.

Вашингтонский режим, естественно, стремится убедить своих европейских подданных идентифицировать интересы Америки-Еврейства со своими собственными интересами и этим самым подготовить Европу к войне против России в союзе с собой. У этой пропаганды, которая стремится завербовать Европу для участия в этой войне, есть три основных момента: во-первых, Россия не «демократия»; во-вторых, она «порабощает» другие народы; в-третьих, российская оккупация Европы привела бы к бойне всего европейского населения или значительной его части.

Первый пункт политически бессмыслен, и ко второму пункту не стоит относиться серьезно. Поработить двести пятьдесят миллионов человек, которые в духовном, этическом, научном, техническом, военном и политическом отношении являются самыми развитыми в мире, невозможно. В той степени, в которой европейцы могут быть поработаны вообще, они уже поработаны Америкой-Еврейством. Сегодня люди Европы работают, отдавая все свои силы, ради обогащения и роста влияния финансистов, промышленных баронов, политиков и генералов Северной Америки. Рабство больше не означает звон цепей, скорее,

дефицит валюты и материалов, нормирование, безработицу, солдат оккупационных войск и их семьи, марионеточные правительства, перевооружение и военные программы в гигантском масштабе.

Третий пункт стремится с помощью испуга заставить европейцев вступить в войну, цель которой – уничтожить единственного динамичного противника Америки-Еврейства, тем самым дав хозяевам Нью-Йорка и Вашингтона возможность контролировать весь мир. Но опять, убить значительную часть европейского населения через краткосрочные насильственные меры было бы невозможно. Хорошо запланированное и систематически осуществляемое уничтожение голодом населения Германии, которое проводила американско-еврейская оккупация в 1945-1948 годах, убило приблизительно 3 000 000 человек. Это, вероятно, наибольшее число людей, которых можно было бы убить такими методами.

Перегретые мозги, которые удалось убедить в том, что Европа «убила 6 000 000 евреев», могут легко представить тот вид, который приняла бы российская бойня сотен миллионов людей. Люди, которые верят в такие кошмары, испытывают недостаток в понимании преувеличения, и их психология полностью отсутствует. Нельзя обучить большое количество людей убивать, непосредственно и систематически, как ежедневная работа, с утра до вечера, на протяжении длительного периода, безоружных мужчин, женщин, и детей. Конечно, простые спонтанные убийства вроде тех, которые сопровождают любое военное вторжение, никогда не могли бы уменьшить население Европы в какой-либо значительной степени.

Если бы избирательные убийства стали бы методом в попытке казнить европейский организм, то Россия была бы аналогично неспособна на это. Это было методом американско-еврейской программы «военных преступлений», самого обширного террора в истории мира. Америка-Еврейство попыталось изолировать элиту и повесить ее участников одного за другим; но в этом они тоже промахнулись. Россия не занималась никаким систематическим террором против «военных преступников», несмотря на поощрение со стороны Америки-Еврейства, так как Россия больше интересовалась людьми как материалом для Будущего, чем сведением прошлых счетов в духе Моисеева Закона. Кроме того, американские колонисты и их экзотические лидеры понимают намного лучше, чем варвар, как изолировать и истреблять стоящих выше людей, потому что варвар намного менее знаком с внутренней структурой и связностью Западной культуры и намного меньше понимает их. Глубокое невежество внешнего мира идет рука об руку с русской ксенофобией.

Америка-Еврейство настаивает на том, что Россия могла бы сокрушить Европу просто механически, и автоматически – если бы в Европе не было американских колониальных войск. Все же остается тот факт, что только вмешательство Америки во Вторую мировую войну воспрепятствовало тому, чтобы Европа уничтожила Россию как политическую единицу. Существующее ныне российское накопление власти было, таким образом, создано Америкой-Еврейством. Никогда за пять столетий российской истории Россия не была в состоянии пробиться в Европу, если ее не поддерживало одно или несколько европейских государств. Против Фридриха Великого Россия получала помощь от Франции, Австрии и Швеции; против Наполеона Россия получала помощь от Англии, Австрии, Пруссии, Швеции и Испании.

В 1945 году Россия прорвалась в Германию только с помощью Америки. До американского вмешательства Европа отшвырнула варвара назад за Волгу. Россия представляет угрозу только разделенной Европе; объединенная Европа могла бы уничтожить власть большевистской России в любой момент. То, что Европе нужна Америка-Еврейство, чтобы защититься от России, является наглой ложью.

Только Америка может обеспечить вторжение России в Европу; это было верно в 1945 году и будет столь же верно в 1967 или 1975. Есть два пути, которыми Америка-Еврейство могло бы отдать Европу русско-большевистской оккупации: добровольно подарив Европу России, как это было сделано с Китаем в 1947 году, или проиграв войну против России с европейских баз.

В любом случае, Европа – это слово означает здесь, прежде всего, Несущую Культуру страту – выберет своего собственного врага, потому что 250 000 человек, которые мистически ответственны за исполнение Судьбы Европы, по своей природе внутренне свободны от Культурно чуждых влияний. Вражеская пропаганда, каким большим ни был бы ее масштаб, не может разрушить Судьбу Высокой Культуры, потому что Судьба выше механизма и техники, а пропаганда – это просто техника. Враг, оккупирующий Европу, может, вероятно, согнать стада гражданских лиц с помощью марионеточных правительств и назвать результат армией, но дальше этого он не может пойти. Армия означает, во-первых, мораль; во-вторых, офицерский корпус; в-третьих, верховное командование; и, в-четвертых, человеческий материал войск. Стадо гражданских лиц, призванных под иностранным принуждением, не обладало бы никакой моралью и не имело бы никакого европейского офицерского корпуса и европейского верховного командования. Без них они были бы только вооруженной толпой, и, как таковые, не смогли бы справиться с варварами.

Мы видели, что глубокой духовной потребностью матриархального американского народа является иметь многочисленных и сильных союзников в войне; и, говоря о правящей страте в Америке, нужно отметить, что наездник всегда ограничен способностями своей лошади. Мы также видели, что Европа – это базис для каждого военного плана Америки против России. Европа может быть в состоянии использовать эти реалии.

Чтобы обеспечить сотрудничество Европы в войне, которую оно планирует против России, Америка-Еврейство предоставило бы Европе огромные уступки – во внутренней автономии, в торговле, в военных вопросах, и даже в административном объединении. Но так как у Америки в ее распоряжении есть страта Михеля, и эта страта исполняет административные обязанности всюду в Европе, то никакие требования к Америке не выдвигаются. Таким образом, вашингтонский режим может рассматривать европейцев как что-то меньшее, чем поденщики, ведь поденщики, по крайней мере, получают заработную плату. «Черчилли» каждой страны ничего требуют, чтобы не беспокоить американские штыки, от которых зависит их пребывание в должности. Ожидать гордости и независимости от страты профессиональных предателей просто нереалистично.

Вторым путем, которым могла бы эксплуатироваться духовная потребность американского народа иметь союзников, могла бы быть непоколебимая, добровольная нейтрализация Европы по отношению к запланированной войне против России. Как только вашингтонский режим был бы вынужден принять европейский нейтралитет как факт, он должен был бы оставить свои планы относительно европейского театра войны и вывести свои войска из Европы.

Любая из этих возможностей, если она была бы реализована, могла бы вызвать Освобождение Европы перед Третьего мировой войной. Первая возможность могла бы быть реализована, только если страта Михеля была бы удалена из общественной жизни, поскольку «черчилли» едва ли поставили бы интересы Европы выше своих классовых и личных интересов, которые защищены только иностранной оккупацией.

Чтобы творчески действовать в Политике, нужно начать с правильного выбора врага. Если вы выбираете врага, у которого вы не можете выиграть власть, то исходом станет самоубийство, как мы видели на примере самоуничтожения Английской Империи во Второй мировой войне. Если Европе фактически придется сражаться на стороне какого-то врага, это стало бы доказательством, что Европа фактически умерла, но продолжающаяся мистическая связь между европейским Несущим Культуру слоем и европейским населением воспрепятствует тому, чтобы Европа поступила так. Если Третья мировая война произойдет, то Европа

будет участвовать в ней только на своих собственных условиях. Это – абсолютная мистическая уверенность. Возможно, стадо несчастных призывников без морали, без европейских офицеров и европейского верховного командования, может быть брошено на поле битвы, чтобы сражаться за врага, но это едва ли было бы европейским участием, достойным этого названия.

Все это давно ответило на вопрос: Кто Враг? Враг должен быть той политической единицей, за счет которой мы можем получить власть. У Америки-Еврейства есть власть в Европе, и если бы Европа вернула свой суверенитет, то она могла бы сделать это только за счет Америки-Еврейства. Политика конкретна, и поэтому тот аргумент, что Россия хочет завоевать Европу, имеет только небольшую силу. Возможно, Индия тоже хотела бы это сделать, но Европа должна учитывать факты, а не угрозы. У Америки есть власть в Европе, и, поэтому, Америка – Враг.

Два факта доминируют над политикой Европы в этот исторический период: Европа никогда не будет бороться за своего Врага; Европа переживет Третью мировую войну и ее последствия, независимо от нового вооружения.

Это метафизические факты; они обладают ценностью Судьбы и не могут быть удалены действием человека. Они соответствуют всем содействующим жизни, подтверждающим жизнь, увеличивающим власть инстинктам европейцев, соответствуют надличной Судьбе Западной культуры. Ввиду этих фактов вражескую пропаганду о русском жупеле можно назвать просто идиотской. Америка-Еврейство – носитель русской угрозы, сегодня, как и во время Второй мировой войны. Если Америка-Еврейство вызовет российскую оккупацию всей Европы, то вся Европа будет упорно сопротивляться и справится с этим событием. Если Америка будет удалена из Европы до Третьей мировой войны, то форма войны будет абсолютно другой. Вместо Америки-Еврейства против России, это тогда была бы Европейская Империя против России, и в такой форме война закончится уничтожением России как политической единицы. Для Европейской Империи результатом была бы внешняя безопасность в течение ближайших столетий. Если Америка попытается вмешаться, как прежде, то на сей раз ее усилия не принесли бы ей пользы, поскольку Европейская Империя будет, естественно, включать Англию и Ирландию. Только то, что Америка по воле счастливого для нее случая владела этими базами, что позволило ей предать Европу во время Второй мировой войны. Из Северной Америки или Африки Америка-Еврейство не могло бы сделать ничего или крайне мало, чтобы помочь России.

Этот Век является могущественным, и его задачи огромны, но если мы будем твердо придерживаться нашей чести и гордости, будем слушать наши собствен-

ные инстинкты и Внутренний Императив, то мы приобретем власть в любом случае. Хотя противники гигантские, но они бесформенны; позади их переплетенного накопления власти – духовная пустота, которая, как вакуум, затянет назад их рассеянные силы. Ни Америка-Еврейство, ни Россия не являются структурами, внутренне приспособленными к Веку Абсолютной Политики. Американский народ является матриархальным, изоляционистским, и он интересуется только экономическими вопросами. Когда авантюры власти у антиподов столкнутся со слишком большими денежными расходами или потребуют реальную жертву крови, вашингтонский режим больше не будет в состоянии заставить американский народ идти по ложному пути бессмысленных мировых войн. Во время мировой войны Германия потеряла 739 генералов, тогда как Америке пришлось оплакивать смерть лишь одного единственного генерала. Этот факт только символизирует ту истину, что Америка добилась успеха, не имея необходимости платить за него. В тот самый момент, когда авантюры станут слишком дорогостоящими, вашингтонский режим, должен будет отступить, поскольку даже его «победы» ничего не значат для Американского Народа. Аполитичный народ не может одержать устойчивую политическую победу; он не нуждается в ней, или он не хочет ее, или он даже не знает, как он использовал бы власть, получающуюся вследствие победы.

Русский варвар не понимает власти; у него нет никаких знаний значения этого Века. Ни половина вестернизированных Большевиков, ни чисто азиатские массы не обладают качествами, которые нужны, чтобы построить империю. Духовно настоящий русский, ограничения которого связывают московский режим, является религиозным человеком, следовательно, направленным внутрь; он сельский и хочет земли, но в России нет никакого дворянства и никакой религии, которые проявляют внимание к его материальным и духовным заботам. Марксизм – это собрание мертвых и стерильных фраз, и он больше не может вдохновить русского сильнее, чем европейца. Панславянская религиозность не стремится к империи; с нею империя не может быть построена.

Это – Век Абсолютной Политики, и его значение – исполнение Судьбы Западной Цивилизации: формирование Европейской Империи и реализация ее Всемирной Миссии. В этом Веке власть, которая навязала бы свою волю миру, должна быть обеспечена внутренними качествами, которые одни только и могут установить и поддержать мировую систему, качества Испанской Европы в шестнадцатом столетии, Английской Европы в восемнадцатом и девятнадцатом веках, Прусской Этической Социалистической Европы в двадцатом столетии, которая выживет и в двадцать первом веке. Этим большим, всеобъемлющим качеством, которое абсолютно необходимо для такой задачи, является сознание Миссии. Оно не может прийти из человеческих решений; оно может появиться только как эма-

нация надличной души, органа более высокой Судьбы, Божественного. Американско-еврейские и русские идеи отрицательного завоевания мира – это всего лишь размытые карикатуры на истинную, Западноевропейскую Идею Мировой Империи, пародия на Историю на мировой арене.

Европа узнает своих Культурных врагов и своего собственного политического врага. Так она видит единственный путь, по которому она может следовать. Основание политики Европы – это вера в Будущее, но ни в коем случае не страх перед Будущим. Если мы будем следовать теперь тем путем, который предписали наши инстинкты, наш интеллект, и наш Внутренний Императив, то что бы ни случилось с нами, все будет хорошо. Для нас есть всего лишь одно преступление, один проступок, и одна ошибка: это быть неверными нам самим и следовать за иностранными лидерами и придерживаться чуждых идеалов.

Европа также узнает своего Внутреннего Врага: Любой, кто проводит другую политику, нежели политику Суверенной Европы, будь то политика Америки-Еврейства или России, является Внутренним Врагом. Сторонники малых государств и мелкие националисты падают до уровня шпионов и иностранных агентов. Лояльность Европе исключает любую другую политическую лояльность. Ни один европеец не обязан вообще хранить верность малому государству своего рождения, поскольку все эти крошечные бывшие государства теперь представляют собой просто антиевропейские инструменты в руках нашего Врага, Вашингтонского режима.

Европа тождественна своей исторической задаче. Антидуховным, антигероическим «идеалам» Америки-Еврейства Европа противопоставляет свои метафизические идеи, свою веру в ее Судьбу, свои этические принципы, свой героизм. Бесстрашно Европа вступает в сражение, зная, что она вооружена самым могущественным оружием, когда-либо выкованным Историей: надличной Судьбой европейского организма. Наша Европейская Миссия состоит в том, чтобы создать Культуру-Государство-Нацию – Империю Запада. И поэтому мы совершим такие деяния, закончим такой труд, и так преобразуем наш мир, что наши далекие потомки, когда они будут смотреть на остатки наших зданий и крепостных валов, скажут своим внукам, что на земле Европы когда-то жило племя богов.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Велесова Слобода, 2017 г.